

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

ТЕНИ

Драматическая сатира в <?> действиях

ДЕЙСТВИЕ I

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петр Сергеич Клаверов, молодой человек лет 30, но уже в чинах и занимает значительное место; физиономия преждевременно состарившаяся, волосы и бакены с проседью, на голове небольшая лысина.

Николай Дмитрич Бобырев, молодой человек, товарищ Клаверова по школе. Прибыл в Петербург из провинции, где состоит на службе, в качестве товарища кого-то или чего-то. Одет весьма чисто, хотя от моды и отстал.

Павел Николаич Набойкин, товарищ Клаверова по школе, служащий у него под начальством; молодой человек благородной наружности, одевается щегольски.

Иван Михеич Свистиков, пожилой господин, служащий под начальством Клаверова; высокого роста, широк в плечах; в присутствии Клаверова ходит в виде наклоненной линии и приподнимаясь на носки; исполняет у Клаверова должность домашнего буфера.

Князь Тараканов, молодой человек, племянник начальника Клаверова.

Нарукавников, молодой человек, сын откупщика.

Театр представляет кабинет Клаверова. Боком к зрителям, слева письменный стол с грудами наваленных на нем бумаг, в глубине сцены другой письменный стол, пустой, направо низенький оттоман; по стенам развешано множество фотографических портретов, мягкая мебель расставлена по комнате в беспорядке; входная дверь направо, а налево во внутренние комнаты.

При открытии занавеса Свистиков стоит у входной двери, в вицсюртуке и с портфелем под мышкой, Бобырев только что вошел; он во фраке и в пальевых перчатках.

СЦЕНА I

Свистиков и Бобырев.

Бобырев (*Свистикову*). Мне сказали, что Клаверов в кабинете?Свистиков. Генерал-с? Они там. (*Указывает на дверь, ведущую во внутренние комнаты.*) Сегодня у его превосходительства доклада не будет-с: один я-с. Да вы кто такие? (*Осматривает его.*)

Бобырев. А вы кто такие?

Свистиков. Я ихний чиновник-с.

Бобырев. А я ихний товарищ по школе. Скажите, пожалуйста, у Клаверова очень много занятий?

Свистиков. То есть теперь-с?

Бобырев. Нет, вообще?

Свистиков. Как же-с, как же-с. У нас одних входящих тысяч пятнадцать через их руки перейдет. Машина изрядная-с!

Бобырев. Да, честь и слава Клаверову: достиг-таки! Приятно иметь такого товарища по школе!

Свистиков. Это точно-с. Впрочем, позвольте вам доложить, что в генеральском чине узы товарищества... не то чтобы совсем ослабевают, а больше как бы в туманном виде представляются. Не смею, конечно, утверждать, а, ей-богу, так-с!

Бобырев. А разве Клаверов... тово?

Свистиков. Помилуйте... как же это можно-с!

Бобырев. Однако...

Свистиков. Нет-с... как же это можно-с? Известно, особа с характером, а впрочем, ничего!

Бобырев. Я так давно расстался с ним, что, право, не знаю... Скажите, вы близко знаете Клаверова?

Свистиков. Помилуйте, каждое утро-с... И по квартире, и все такое...

Бобырев. Так Клаверов... тово?

Свистиков. То есть он не то чтобы очень «тово», а есть-таки малая толика... позволите быть с вами откровенным?

Бобырев. Сделайте милость.

Свистиков. Вот вы изволите их Клаверовым называть, ну, а мы, признаться, и от фамилии-то этой отвыкли, всё ваше превосходительство, да господин директор!.. даже и мысль-то словно не дерзает называть иначе.

Бобырев. Вот как!

Свистиков. А то как же-с. Ну, опять возьмем, к примеру, и то: изволили вы пожаловать к его превосходительству — и прямо в кабинет!

Бобырев. Вы, стало быть, думаете, что лучше было бы обождать в передней?

Свистиков. Не лишнее-с. Оно конечно, генерал, как старого товарища, примут вас благосклонно, однако им и за всем тем приятнее было бы заметить в вас почтительность к ихнему сану.

Бобырев (*иронически*). Так вы думаете, что его превосходительству будет неприятно, что я вошел прямо в кабинет?

Свистиков. Не то чтобы неприятно-с... сохрани боже! они и виду этого не подадут! А так, -знаете, могут при случае это припомнить. Не выскажут, знаете, да и начнут действовать дипломатически: начнут, это, слово ер-с к каждому слову прибавлять, «милостивым государем» обзывать, стул собственноручно пододвигать, философические рассуждения преподавать... одним словом, убют человека мерами даже самыми учтивыми. Да вы из губернии-с?

Бобырев. Да, я из Семиозерска.

Свистиков. Место дальнее-с. В губернии, известно, насчет этого просто; там промежду себя все этакое целованье да милованье: ты — *mon cher*, и ты — *mon cher*! следственно, и идут в кабинет не спросясь.

Бобырев (*иронически*). Черт возьми, однако, как это скверно долго не бывать в Петербурге: совсем все обычай перезабудешь.

Свистиков. А их помнить необходимо. Скажу вам откровенно, здесь насчет этого такое понятие: покудова человек находится *там* (*указывает на входную дверь*), он не Иван, не Сергей, не Петриков, не Свистиков — он проситель. Проситель первый, проситель второй — все равно как на театре поселяне: поселянин первый, поселянин второй и так далее. Генералу докладывают просто: просители дожидаются, ваше превосходительство, а генерал в ответ на это скажет «а!», а иногда и ничего не скажет, и затем это уж ихнее дело, кого отличить, а кого и без внимания оставить. Но человек, который прямо, собственною властью приходит *сюда* — это уж, значит, человек, который считает себя вправе, так сказать, конфиденциально беспокоить его превосходительство. Следственно...

Бобырев. Да ведь вы в кабинете?

Свистиков. Да я другое дело-с: я ихний чиновник-с.

Бобырев. И, как видно, очень практический человек. Однако я все-таки надеюсь, что его превосходительство во внимание к воспоминаниям товарищества...

Свистиков. Это так-с... А все-таки лучше было бы, кабы генерал все это сам, по своему, знаете, усмотрению... Вошел бы, знаете, в приемную: а, старый друг! прошу в кабинет! (Бобырев смеется.) Смешно-с?

Бобырев. Нет, ничего... пожалуйста, продолжайте!

Свистиков. Вы извольте взять во внимание, что они генерал-с, да и генерал-то молодой, так сказать, сугубый-с... пожалуй, старых-то за двух постоят!

СЦЕНА II

Те же и Набойкин (входит быстро и с шумом; одет в вицсюртук, под мышкой портфель).

Набойкин. Кого я вижу! Бобырев! Откуда ты, эфира житель?

Бобырев. Из Семиозерска; сегодня только приехал, ни у кого еще быть не успел.

Целуются.

Набойкин. Ну, а к генералу все-таки к первому — дельно! (Свистикову.) Клаверов не выходил?

Свистиков вместо ответа корчит гримасу и делает вид, что охорашивается.

Шут!

Бобырев. Ты у Клаверова служишь, Набойкин?

Набойкин. У Клаверова; он многих из наших приютил. Да, cher, этот человек пойдет далеко. (Показывает на голову.) Et avec ça infatigable!¹ Уж не думаешь ли и ты к нему?

Бобырев (робко). Да... хотелось бы...

Набойкин. В Семиозерске-то, должно быть, наскучило? Да и правду надо сказать: служить в наше время в провинции — ужаснейший анахронизм. У тебя какой чин?

Бобырев. Коллежский советник.

Набойкин. Ну, кушанье не важное!

Свистиков. Совсем плохандрос-с!..

Набойкин. Шут! Однако позволь тебя познакомить, Бобырев: Свистиков, экзекутор, он же казначей, он же и смотритель дома, стало быть, с точки зрения ватерклозетов, человек совершенно неоцененный.

Свистиков испускает безобразное бульбульканье.

Это, брат, единственный осколок седой древности, который остался в нашем ведомстве; все прочее подобрано, могу сказать, человек к человеку. Ты приходи к нам в канцелярию — увидишь.

Свистиков. Да-с, это точно, что увидите!

Бобырев. А что?

Свистиков. Да что-с: кто на столе сидит, кто папироску в зубах держит-с, кто об Армансах беседует-с.

Набойкин. А кто к Свистикову пристает. Ну, да это в сторону: сам все увидишь. Поговорим лучше об тебе. Это дельно, что ты собрался к нам, только я должен откровенно тебя предупредить, что тут не обойдется, без труда. Vous savez, mon cher, entre camarades on se doit la vérité, rien que la vérité¹.

¹ И к тому же — неутомим!

Бобырев. Ну, да разумеется, от кого же мне и узнать, на что я могу рассчитывать, как не от товарищей. Ты понимаешь сам, что в Семиозерске немного узнаешь.

Набойкин. Ну, так изволишь видеть, Клаверов, конечно, сделает для тебя все, что от него зависит, но иногда, *mon cher*, и при всем желании мы не в состоянии бываем идти против предопределений судеб... Опять-таки повторяю: я считаю нужным предупредить тебя, как товарищ... Ты пойми, *cher*, что Клаверову самому еще надообно укрепиться: конечно, место, которое он теперь занимает, недурно, но для него это все-таки не больше как станция, на которой он желает пробыть как можно менее времени. Следовательно, ему необходимы связи, а для того чтобы добыть связи, необходимо делать уступки — в этом вся теория жизни! Клаверов понял это лучше других — *aussi, le prince, qui est tout puissant pour le moment, en raffole*².

Бобырев. Ну, да может быть, как-нибудь при содействии добрых товарищей...

Набойкин. Все очень может быть, но главное, все-таки не зарываться мечтами! Это тоже своего рода теория жизни, и притом, право, недурная. Я знаю, ведь вы все, господа, едете сюда из губерний на каких-то крыльях...

Бобырев. А скверно будет, если опять придется возвращаться в Семиозерск...

Набойкин. А ты, чай, там и рас прощался со всеми...

Свистиков. Это бывает-с. Когда я служил в Холопове, у нас председатель раз десять прощался, и десять раз здоровался, пока не прихлопнул паралич. Там и почиет-с!

Все смеются.

Набойкин. Однако я тебя не спросил еще, что тебя заставляет покинуть милый Семиозерск: просто ли надоело шататься по губерниям или есть другая причина?

Бобырев. Право, не знаю, как сказать тебе: и надоело, да и неприятности кой-какие по делам вышли.

Набойкин. А! неприятности! *сеси — c'est grave!*³

¹ Знаешь, любезный, товарищи должны говорить друг другу правду, только правду.

² к тому же и князь, который в настоящее время всемогущ, в нем души не чает.

³ это дело серьезное!

Бобырев. Да, там... несколько отдельных мнений по делам подал...

Набойкин. Так ты подаешь отдельные мнения?

Свистиков (*тоненъким голосом и простирая руку*). Так вы подаете отдельные мнения?

Набойкин. Перестаньте, Свистиков, вас не спрашивают. Pardon, mon cher¹, но я тебе должен сказать, что эти отдельные мнения — великая глупость, и если возможно, чтоб Клаверов не знал об этом, то ты как-нибудь устрой... В наше время, друг, необходима дисциплина, а не мнения...

Бобырев. А я, напротив, думал откровенно высказать Клаверову все.

Набойкин. Сохрани тебя бог! Ты не понимаешь людей, mon cher, или, лучше сказать, не понимаешь времени. Клаверов точно так же, как и я, очень хорошо поймет, что служить с этими секунд-майорами, которые сидят там в провинциальных мурьях, невыносимо, но он прежде всего дитя своего века. А мудрость века гласит, что ссориться с этими секунд-майорами ни в каком случае нельзя, потому что это дает плохую идею о человеке.

Бобырев хочет прервать.

Pardon, mon cher, дай мне высказать мою мысль... Это дает плохую идею о человеке, говорю я, потому что человек сильный обязан завладеть этими двуногими, обязан заставить их повиноваться себе; если он не успел в этом, стало быть, он сам виноват; стало быть, он недостаточно силен...

Бобырев. Позволь, однако ж...

Набойкин. Не прерывай, Бобырев, дай высказать мне свою мысль...

Свистиков. Да вы не прерывайте-с: они вам высажут всю нашу текущую государственную суть-с...

Набойкин. Шут! Будем говорить серьезно, Бобырев. Спрашиваю я тебя, для чего ты был *туда* послан? Ты послан был для того, чтоб всеми этими секунд-майорами руководить, чтобы рассужденьям этих прапорщиков придать человеческую форму. Начальство не может обойтись без секунд-майоров и прапорщиков — *c'est sa manière de faire la cour à...*² ну, да ты сам знаешь кому! Но вместе с тем оно очень хорошо сознает, что эти прапорщики — не больше как протухлая яичница, и, *pour relever le gout*³, посыпает к ним тебя. Ясно ли, что оно ожидает от тебя не дрязг, а дела; ясно ли, что оно совершенно вправе сказать тебе: обделывай там свои дела, как знаешь, но дай мне возможность позабыть обо всех этих калеках и чающих движения воды, дай мне возможность заняться высшими соображениями? Оно посыпает тебя, и в то же время говорит себе: я покойно, потому что у меня там есть Бобырев, который видит моими глазами...

¹ Прости, любезный.

² это его манера угождать...

³ чтобы поправить дело.

Свистиков. Нюхает моим носом...

Набойкин. Да перестаньте же, Свистиков, говорят вам.

Свистиков. Помилуйте, Павел Николаич, я в своей роли-с...

Набойкин (*с неудовольствием отворачивается от Свистикова*). Mais comprends donc, mon cher, quel beau rôle pour un jeune homme!¹ А ты вместо того не только напоминаешь, что у нас существуют какие-то секунд-майоры, но даже входишь с ними в пререкания!

Бобырев. Все это хорошо в теории, Набойкин, а на практике, кроме секунд-майоров, существуют еще их жены, их свояченицы, их секретари, наконец...

Набойкин. В таком случае ты должен был приехать в Петербург и шепнуть кому следует, но заводить переписку... фуй!

Бобырев. Но ведь не я же первый, Набойкин! Мой предместник, тоже из *наших*, сплошь и рядом подавал мнения.

Набойкин. Времена другие, mon cher! Тогда действительно внимание начальства исключительно было устремлено на подробности администрации, и потому все эти казусы, сомнения и вопросы представляли даже замечательный интерес. Иван обидел Петра, но он обидел его не совсем так, как в законах определено, — это составляло юридический вопрос, который добрые люди смаковали с наслаждением, не понимая того, что начальству нет никакого дела ни до Ивана, ни до Петра. Теперь — совсем иное дело; теперь нам не до подробностей, которые должны сглаживаться и улаживаться сами собою; теперь у нас в виду система — и ничего больше.

Бобырев. Да ведь и насчет самой системы могут же существовать различные мнения?

Набойкин. Никаких. Вся система заключается в одном слове: дисциплина, и ничего больше.

Бобырев. Но ведь дисциплина только средство, Набойкин, средство, равно пригодное для всякой системы.

Набойкин. Это вообще, а в сфере бюрократии дисциплина есть сама по себе система. Это не объясняется, а чувствуется. Прежде нежели войти к нам, ты должен заранее убедить себя в доброте системы, всякой вообще, какая бы ни была тебе предложена, и потом совершенно подчинить ей все свои действия и мысли. Ты исполнитель — и ничего больше; твои способности, твое уменье, конечно, драгоценны, но они драгоценны только в том смысле, что человек умный и способный всякую штуку сумеет обделать ловчее, нежели человек глупый и неумелый. Клаверов это понял, и потому он так высоко стоит, а будет стоять еще выше. Он никому не противоречит и ни с кем не спорит, потому что знает, что, в сущности, всякий из прикосновенных желает того же самого, чего и он желает; с другой стороны, никто за ним не подсматривает и не дает ему инструкций, потому что всякий тоже очень хорошо знает, что Клаверов желает именно того же самого, чего и он желает, но желает, если можно так выразиться, с большим талантом и достигает цели с большей осмотрительностью. Вот, любезный друг, жизненное направление нашего времени.

¹ Но пойми же, любезный, какая это прекрасная роль для молодого человека!

как Петру Сергеичу, но отнюдь не подозревает, что Петр Сергеич олицетворяет собой принцип.

Свистиков. Это точно-с... однако ж, позвольте-с! Ведь до Петра-то Сергеича были Степан Михайлыч, а я и им служил верою и правдою — как же это? Стало быть, и во мне принцип действовал, потому что я служил им не как Степану Михайлычу, а как своему начальнику! Значит, для меня и Степан Михайлыч, и Петр Сергеич — все одно, начальники... система-с!

Бобырев. А ведь коли хочешь, это действительно своего рода система, Набойкин!

Набойкин. Ну да, ну да! (*Ласково треплет Свистикова по плечу.*) Такие люди еще нам нужны! такие люди нас не выдадут! *Diantre! nous pouvons aussi avoir nos petites faiblesses à nous!*¹

Свистиков. Насчет этого, конечно-с... не выдадим! Только бы из остаточков к празднику побольше!

Набойкин. Об этом подумаем, добрый старик!

(Бобыреву.) Да ну рассказывай, рассказывай же, Бобырев, что ты там делал в этом милом Семиозерске.

Бобырев. Да что... ну, женился, например...

Набойкин. Ага! и женился! ну, что ж, это дельно, хотя, *entre nous soit dit*¹, немного мешает. А жена хорошенъкая?

Бобырев. Не знаю, об этом не говорят.

Набойкин. Ну да, это значит, что хорошенъкая. Что ж, и это недурно. В наше время, *mon cher*, хорошенъкая женщина очень много может сделать...

Свистиков. Хорошенъкая женщина может в другой раз жизнь человеку даровать, Павел Николаич!

Бобырев. Да ведь это и прежде бывало; и прежде встречались люди, которые беспрекословно исполняли, что им приказывали.

Набойкин. Прежде исполняли приказания машинально, потому только, что это были приказания, нынче исполняют их в силу своих собственных убеждений; прежде была на первом плане преданность лицам, нынче на первом плане преданность системе. Свистиков, например, усердно служит Клаверову,

¹ Черт побери! и у нас могут быть маленькие слабости!

СЦЕНА III

Те же и Клаверов (входит в щеголеватом утреннем костюме с сигарой в зубах).

Клаверов. Э, да вы, господа, тут об хорошенъких рассуждаете! И, верно, все этот злодей Свистиков! (*Увидев Бобырева.*) Ба! кого я вижу! откуда ты, эфира житель!

Бобырев (*видимо, не зная, как ему быть*). Клаверов... ваше превосходительство...

Клаверов (*жмет ему руку*). Да, брат: «превосходительство»! Ну да, впрочем, надеюсь, что ты, как старый товарищ, отбросишь все эти церемонии в сторону. (*Свистикову.*) У вас, Иван Михеич, все благополучно?

Свистиков. Все благополучно, ваше превосходительство.

Клаверов. Нового ничего нет?

Свистиков. Нового ничего нет, ваше превосходительство.

Клаверов. Ну и прекрасно.

Свистиков. Жэмса¹, ваше превосходительство.

Клаверов снисходительно улыбается.

Клаверов. А там были?

Свистиков. Сейчас оттуда-с. Изволили принимать в изящнейшем неглиже-с.

Набойкин. А у вас, я думаю, уж и глаза разбежались?

Свистиков. Нет-с, Павел Николаич, не разбежались-с! Не потому, конечно, чтобы предмет того не был достоин, а потому, что всегда понимаем, что здесь наше начальство, и следственно, не разбегаться нам нужно, а оберегать-с.

¹ между нами будь сказано.

Клаверов. А про князя вы не спрашивали?

Свистиков. Как же-с; вчера после театра изволили заезжать к ним и очень были милостивы. Обещались утвердить постройку за Артамоновым.

Клаверов. Эта Клара просто сумасшедшая!

Набойкин. Не столько сумасшедшая, сколько плотоядная.

Свистиков. И еще обещались определить Нарукавникова на место Пичугина.

Клаверов (*смузенныи*). Однако это странно... я скажу... я буду протестовать... и откуда берут они этих Нарукавниковых?

Свистиков. А какие они деловые, ваше превосходительство, даром что хорошенъкие!

Набойкин. А что?

Свистиков. Да так-с; сидят это и чай кушают, а сами всё рассчитывают: Артамонов, говорят, пятьдесят тысяч подарил, да еще в долю взять обязался, тут, говорят, пятьдесят тысяч по крайней мере... а горлышко-то у них беленькое-пребеленькое, точно фарфоровое-с.

Набойкин смеется.

Клаверов. Однако это ужаснейшая мерзость! Набойкин. Il paraît que vous êtes en guerre ouverte avec la belle?¹

Клаверов (*Свистикову*). Вы можете уйти, Иван Михеич.

Свистиков. Портфель прикажете оставить?

Клаверов. Да, оставьте.

Свистиков кладет на стол портфель и уходит.

СЦЕНА IV

Клаверов. Знаешь ли, Набойкин, что все это ужасно скверно.

Набойкин. Охота тебе думать об этом; и какое тебе дело до отношений князя к какой-нибудь Кларе!

Клаверов. Во-первых, ты ошибаешься: она не «какая-нибудь», а Клара Федоровна, знаменитая Клара Федоровна, об которой болтает весь Петербург; во-вторых, дела, которые она обделяет, идут через мои руки; в-третьих, наконец, этот

Нарукавников, которого мне суют, — это уж просто ни на что не похоже! (*Бобыреву*.) Вот, mon cher, наше положение!

¹ Как видно, ты открыто воюешь с красавицей?

Бобырев. Кто же эта Клара?

Набойкин. Покуда это то, что называется *une puissance*¹. Говорю «покуда», то есть до тех пор, пока не сшибет ее Клаверов.

Клаверов (*Бобыреву*). *Voilà où nous en sommes reduits!*²

Набойкин. Однако сознайся, Клаверов, что она все-таки прелесть женщина.

Клаверов. Да, недурна. (*Кусает себе ногти.*)

Набойкин. И когда-то вы были страшные приятели!

Клаверов. Оттого-то теперь она и не может терпеть меня. Впрочем, *qui vivra verra!*³ (*Задумывается.*)

Набойкин. А я бы на твоем месте, право, соединял полезное с приятным. Какая тебе печаль от того, что за нею стоит целая стая Артамоновых, Хлудяшевых, Покрышкиных и тому подобных? Согласись, что ведь и им есть хочется, следовательно...

Клаверов. Да нет же, нельзя... Ты пойми, что я должен смотреть в будущее! Конечно, князь меня поддержит... но кто же может поручиться, что князь прочен! Нынешнее время, *mes enfants*⁴, ужасно быстро съедает людей.

Набойкин (*декламирует*). «Сегодня бог, а завтра где ты, человек?» Так, кажется, Бобырев?

Бобырев. Не совсем, но почти так.

Набойкин. Люблю старика Державина! А еще больше люблю старика Крылова... *délicieux!*⁵ Скажите, *messieurs*, отчего нынче нет таких поэтов? (*Декламирует.*) «Тень от чела, с посвиста пыль»... *charmant!*⁶

Клаверов. Ну, Набойкин, можешь оставить нас в покое со своею литературой. Черт возьми, однако, эта Клара... и этот старикашка, который никак не хочет понять, что нынче совсем не такое время! Нет, да вы представьте себе мое положение: не дальше как вчера встречается со мной на Невском Шалимов и говорит: «Нам известно, что постройка остается за Артамоновым, и мы надеемся, что ты будешь протестовать!» «Нам»! «Мы»! — ведь вот до чего мы дожили!

Набойкин. Я просто не понимаю тебя, Клаверов!

¹ сила.

² Вот до чего нас довели!

³ поживем — увидим!

⁴ дети мои.

⁵ восхитительно!

⁶ прелестно!

Клаверов. И я года три тому назад не понял бы, а теперь, к несчастию, понимаю... Да, mes enfants¹, надо много ловкости, чтобы пробалансировать подобное время!

Набойкин. Это правда, что эти господа много нам вредят; но несомненно, однако ж, и то, что мы сами много виноваты в том, что придаем им слишком большое значение...

Клаверов. Там виноваты или нет, а, стало

быть, не можем не придавать, коли придаем. Опять-таки повторяю тебе: нельзя! Представь себе, что ты купил имение, и потом оказалось, что продавец во всех частях обманул тебя: и лес показывал тебе чужой, и в купчою крепость вклеил такие условия, которые ставят тебя в постоянную зависимость от него... Мы все находимся в положении подобного покупщика, мы все идем на неизвестное.

Набойкин. Однако неужели же продавец-то Шалимов?

Клаверов. А кто же знает? Кто знает, кто покупает и кто продает, кто хозяин и кто работник? Несомненно одно, что продавец и хозяин — время. Все так перемешалось, что самый проницательный человек не сумеет разобрать, где настоящая сила. Мы сами, люди молодого поколения, люди, не отшатнувшись от стариков, служим лучшим доказательством тому, как трудно угадать, где сила. Года три тому назад кто мог бы сказать, что мы будем иметь вес, будем занимать видные места в администрации?

Набойкин. Но ведь это именно потому так и сделалось, что мы не отшатнулись.

Клаверов. Э, любезный! да разве мы не либеральничали, разве мы не именем отрицания ворвались в святилище старчества? И, главное, спрашиваю я тебя, разве не были мы искренни и в либерализме и в отрицании? Нет, мы и либеральничали, и отрицали, и были настолько же искренни и в том и в другом случае, насколько искренни и все эти Шалимовы. Вся штука в том, что Шалимовы пошли несколько дальше и что в пользу их уже не старцы, а мы должны будем расчистить ряды свои. (Бобыреву.) Ты не был у Шалимова?

Бобырев. Нет, не был. (Решительно.) Да и не буду.

Клаверов. Напрасно. С одной стороны, Клара Федоровна, с другой — Шалимов — вот наши puissances du jour!² Ты к нам надолго?

Бобырев (робко). Да хотелось бы совсем.

Клаверов. Что, разве в Семиозерске не повезло?

Бобырев. Не то чтобы не повезло, а надоело немножко.

¹ дети мои.

² властители минуты!

Клаверов. Ну, и ты...

Бобырев (*инстинктивно привстает*). Да, я желал бы... если только это возможно...

Набойкин. Да ты знаешь ли, Клаверов: ведь он женат!

Клаверов. А! женат! И, наверное, на хорошенькой! Уж не в Семиозерске ли нашел себе жену? Не знаю ли я ее; ведь я когда-то был там с сенаторскою ревизией!

Бобырев. Да, жена моя знает тебя.

Клаверов. А как она урожденная?

Бобырев. Мелипольская. Я женат на младшей.

Клаверов. Как же, как же. А ведь знаешь, Бобырев, жена твоя была в девушках удивительная красавица.

Бобырев. Она и теперь недурна.

Клаверов. Как я рад! Так ты хочешь перебраться в Петербург — что ж, это прекрасно!

Набойкин. Клаверов! он хотел обратиться к тебе!

Клаверов. Ну да; понимается. Что ж, я очень рад и, с своей стороны, что могу... Так ты женат на младшей Мелипольской! Как я буду рад возобновить знакомство! Кстати же, у нас, быть может, и место откроется...

Набойкин. Но ведь говорят об каком-то Нарукавникове...

Клаверов. Ну, это еще бабушка надвое сказала.

СЦЕНА V

Те же и князь Тараканов.

Князь Тараканов.
Вонюч, Клаверов! Мсьё Набойкин!

Клаверов (*представляя Бобырева*). Мой товарищ Бобырев.

Князь Тараканов.
Enchanté¹. Меня прислал к вам дядя, Клаверов.

Клаверов. Что прикажете, князь?

Князь Тараканов. Во-первых, попрошу у вас сигару (*садится и закуривает*), а во-вторых, мой почтенный старец

поручил передать вам, что сегодня он чувствует себя совершеннейшим осьмнадцатилетним юношей и потому приглашает вас принять участие в *partie fine*², которую устраивает сегодня за городом Клара.

¹ Очень приятно.

² пикнике.

Клаверов. Я всегда к услугам князя. Странно, однако ж, что у меня сегодня был Свистиков прямо от Клары Федоровны и ничего не сказал. Быть может, это желание князя, а не Клары Федоровны?

Князь Тараканов. Во-первых, я вам должен сказать, что все это устроилось не далее как несколько минут тому назад, когда Свистиков был уже у вас. Я был у Клары вместе с старцем, который, по всему видно, чем-нибудь с утра себя подправил, потому что был неприлично сладок и отвратительно любезен. Следствием всего этого было несколько живых картин вроде тех, которых и вы бывали свидетелем, а следствием живых картин — предполагаемая *partie fine*.

Клаверов. Однако вы не совсем лестно отзываетесь об вашем дядюшке, князь!

Князь Тараканов. Напротив того, я думаю, что дядя был бы в восторге, если бы знал, что я его признаю способным представлять живые картины. *Pauvre vieux!*¹ у него только и осталось это самолюбие. Кстати; вы слышали, Клаверов, что вчера за обедом в клубе дядя язык показал Секирину?

Клаверов. Каким же образом?

Князь Тараканов. Как же, как же! Вот видите ли, за обедом зашел разговор об этой эмансиpации, ну, и дядя, по обыкновению, начал проповедовать, что все это затеяли красные. По обыкновению также, ему начал слегка подвистовывать в этом же смысле князь Бирюкханов, ну и потекла тут у них беседа поучительности беспримерной (*произносит в нос*): «Знаете ли вы, князь, что мы накануне революции: ведь мне мои мужики совсем оброка не платят!» —

кричит через стол Бирюкханов. «Чего же другого и ожидать можно, когда мы каждый день вынуждены быть в одном обществе с зажигателями!» — отвечает дядя и злобно посматривает на Секирина. «А вы не слыхали, князь, — опять вопрошаet Бирюкханов, — говорят, барон Клаус насчет этого записку представил?» А надобно вам сказать, Клаверов, что Клаус действительно подал какую-то записку, которою взвывал к милосердию, и просил ни более ни менее как чтоб *ничего этого* не было: разумеется, записка потерпела полнейший фиаско. Секирин знал о существовании записки, да знал и об участи, которая постигла ее; ему захотелось помистифировать стариков. «Я слышал, что эта записка очень умная», — обращается он к дяде. «Очень умная-с», — отвечает дядя отрывисто. «И я слышал, что она произвела большое впечатление», — продолжает Секирин. «Очень большое впечатление», — огрызается дядя. «И я еще слышал, что все заключения ее приняты и что ничего этого не будет!» — пристает Секирин, а самого его так и сводит от внутреннего хохота. Только можете себе представить удивление присутствующих, когда дядя, вместо ответа, вдруг обращается всем корпусом к Секирину и показывает ему язык!

Все хохочут.

¹ Бедный старик!

Клаверов. Что ж Секирин?

Князь Тараканов. Ну, Секирин, разумеется, поднял дядю на смех... Но дядя был счастлив целый вечер, поехал в театр и там всем и каждому объяснял, какой он совершил гражданский подвиг; наконец, из театра отправился к Кларе, и, *ma foi*¹, я не ручаюсь, что, по прошествии законного срока, у меня не будет какого-нибудь контрабандного двоюродного братца!

Клаверов. И всему причиной Секирин! Но вы мне покуда объяснили только первую причину устройства *partie fine*; вторая...

Князь Тараканов. Вторая... есть и вторая, но я вам передам ее после.

Набойкин и Бобырев, видя себя лишними, встают.

Клаверов. Куда же вы торопитесь, *messieurs*?

Набойкин. Нет, нам еще нужно кой-куда заехать.

Клаверов (*Бобыреву*). Так мы еще увидимся! Скажи, пожалуйста, где ты остановился?.. Я непременно... сочту своим долгом. Однако я еще не спросил тебя, Софья Александровна с тобой?

Бобырев. Да, она в Петербурге. Мы остановились покуда у [Демута](#).

Клаверов. Ну, так прошу тебя передать ей мой поклон. *Sans adieux, messieurs!*²

Набойкин и Бобырев уходят.

СЦЕНА VI

Те же, кроме Набойкина и Бобырева.

Клаверов. Ну-с, князь, вторая причина...

Князь Тараканов. А вы не обидитесь, Клаверов, если я на этот раз позволю себе быть вашим советчиком?

¹ клянусь.

² Я не прощаюсь, господа!

Клаверов. Сделайте одолжение, князь.

Князь Тараканов. Послушайте, зачем вы ссоритесь с Кларой?

Клаверов. Помилуйте, князь, когда же я ссорился?

Князь Тараканов. Ах, боже мой, да неужели же вы думаете, что никто этого не замечает? Даже старик дядя и тот начинает догадываться, — а это его трогает. Скажу вам откровенно, об этом была речь не далее как сегодня, и дядя был даже очень красноречив. Он только и дело, что повторял: стало быть, он не хочет служить со мной! стало быть, он не хочет служить со мной! Между нами, я просто советовал бы вам оставить эту бесполезную оппозицию и продолжать действовать, как действовали прежде. Ведь вы были с нею даже более нежели в приятных отношениях — ну, и хорошо делали! Поверьте, что дядя в тысячу раз снисходительнее взглянет на это маленько похищение его собственности, нежели на неуважение к его слабости.

Клаверов. Но когда же, какую оппозицию я делал?

Князь Тараканов. А в деле Артамонова — разве не всякий знает, что единственное препятствие к утверждению постройки за этим барином шло от вас? Разве дядя может знать, что Клара получила пятьдесят тысяч, чтобы обделать это дело, и что, кроме того, она в половине у Артамонова...

Клаверов. Будто князь и не знает?

Князь Тараканов. Положительно уверяю вас, нет. Ему просто представили, что один Артамонов может выдержать исправно такое громадное дело, что тут нужен изящный вкус, что торги в таком предприятии вовсе неуместны и так далее и так далее. Конечно, это не рекомендует умственных способностей почтенного старца, но он действует в этом случае *de bonne foi*¹ — это верно. Но предположим худшее, предположим, что ему

известна закулисная сторона этого дела, я все-таки не понимаю, какая охота вам отнимать у этой бедной Клары ее крохи...

Клаверов. Но ведь это безнравственно, князь!

Князь Тараканов. Э, *mon cher!* Скажите мне прежде, что нравственно? Коли разобрать хорошенько эту скучную материю, то, право, окажется... Сознайтесь, любезный друг, что в настоящее время все мы, сколько нас ни есть... немножко... не то чтобы... подлецы (упаси боже!)... а так... благоразумные люди! Ведь вы философ, Клаверов?

Клаверов. Но, наконец, об этом целый город болтает, князь!

¹ искренне.

Князь Тараканов. Ну, и пусть себе болтает! Неужели вы еще достаточно наивны, чтобы думать, что мы не достаточно сильны? Ну, и пусть себе болтает! *Mon cher!* чтобы справиться с этими болтающими людьми... *il ne faut avoir que de l'impudence!*¹ Нужно только однажды навсегда решиться проходить мимо них, не краснея: поверьте, что все уладится! Это болтающее человечество само ждет подачки; оно в театре глазеет на Клару и указывает на нее пальцами, а внутренно волнуется нечистыми помыслами, а внутренно мечтает: ах, кабы и мне попасть в это изящное брение, покрытое батистами, кружевами и блондами! Вот почему я счел возможным сказать, что в настоящее время все, сколько нас ни есть, все мы... *благоразумные люди!*

Клаверов. Признаюсь вам, князь, я все еще не могу привыкнуть к мысли... я просто боюсь...

Князь Тараканов. Я понимаю это, но поверьте, что вы тревожитесь совершенно нарас嚎. Во-первых, то, чего вы боитесь, слишком отдалено: может быть, оно будет, а может быть, и нет, тогда как перед вами есть настоящее, грозящее вам немедленно и непосредственно, если вы не склонитесь перед ним. Во-вторых, вы подозреваете силу там, где, в сущности, существует одна болтовня. Повторяю: нужно только как можно реже краснеть и по временам кидать в толпу двугривенные, чтобы толпа стояла смирино и даже, в избытке восторга, принимала эти двугривенные за червонцы. С этой точки зрения, я вовсе не

оправдываю поступка дяди, который показал язык Секирину. Очень может быть, что это поступок гражданина (нет, да вы представьте себе дядю *en citoyen!*²), но во всяком случае не поступок политического деятеля.

Клаверов. Стало быть, от меня просто требуют, чтобы я не возражал, чтобы я исполнял, как машина...

Князь Тараканов. Ну да... То есть от вас этого не требуют, а желают. Будемте говорить прямо, любезный друг: ведь вы не ответственное лицо, ведь закон ни в каком случае не может обвинить вас?.. из-за чего же вы горячитесь?

Клаверов. Но вы забываете, князь, что у меня есть совесть, что есть, наконец, общественное мнение...

Князь Тараканов. *A bas! Vous revenez toujours à vos moutons!*³ Я, впрочем, уже высказал мое мнение об этих высоких предметах и повторяться не стану. Я вам, как друг, говорю, Клаверов: подумайте! подайте Кларе руку примирения!

¹ нужно только обладать бесстыдством!

² в качестве гражданина.

³ Довольно! Вы всё повторяете сказку про белого бычка!

Клаверов. А что же вы скажете об Нарукавникове? Ведь, стало быть, меня не хотят в грош ставить, коль скоро суют, не спросясь меня, почти прямо в мой кабинет черт знает кого!

Князь Тараканов. Во-первых, Нарукавников не черт знает кто, а сын откупщика, во-вторых, отец его заплатил деньги и большой приятель Клары, а в-третьих, наконец, я просто не понимаю вас, Клаверов!

Клаверов. Помилуйте, да что ж тут не понимать!

Князь Тараканов. Да разве вам не все равно, кто у вас там копошится в канцелярии? Разве вы не индифферентны к тому, кто строчит все эти отношения, доклады и донесения? Ведь серьезной работы у вас нет? Ведь вы сами очень хорошо знаете, что все ваши занятия тление и дрянь? Ведь если бы у вас даже была серьезная работа, разве вы поручите ее кому-нибудь, помимо самого себя?

Клаверов. Все-таки простая учтивость требовала...

Князь Тараканов. Ну, в этом отношении, точно... Клара виновата! Она, бедняжка, позабыла, *qu'il y avait un petit Klavéroff qu'il faudrait cajoler*¹.

Клаверов. Вы не совсем так выражаетесь, князь...

Князь Тараканов. *Pardon, cher*, я думал, что в наших приятельских отношениях... *Mais nous sommes des amis, c'est convenu!*² Впрочем, если вы хотите, я беру назад свое выражение.

Клаверов (*смузенный*). Не об этом речь... конечно, если князю угодно, я обязан исполнить его приказание.

Князь Тараканов. Да не смешивайте же, Клаверов, бога ради! Поймите, что тут дядя в стороне и что к вам обращается Клара, которая сгорает нетерпением скрепить взаимный союз! Подумайте, *cher*, об том, что я говорил с вами, и приезжайте сегодня! (*Встает, чтобы уйти.*)

Клаверов. Скажите, по крайней мере, кто там еще будет?

Князь Тараканов. Ну, будут разные повесы, вроде дяди... будет *Florence*, будет *Malvina*, будет Надежда Петровна... вот я вам скажу, Клаверов, алмаз-то (*целует концы пальцев*), даром что из россиянок! Грудь, плечи — волна молочная! и притом расчетлива... эта пойдет далеко! Молодых людей будет всего трое: вы, я да Нарукавников. Стало быть, до свиданья!

Клаверов. До свиданья. (*Провожает его.*)

¹ что есть на свете маленький Клаверов и что с ним надо быть ласковой.

² Ведь мы друзья — решено!

СЦЕНА VII

Клаверов (*один*). Что теперь делать? Не ехать на приглашение — об этом, конечно, не может быть речи, да и отчего не ехать! Но дело в том, что это не просто поездка, а поездка, которая обещает важные последствия... Странно, как иногда судьба вертит человеком! Кто бы мог поверить, что еще так недавно я и Клара... а все-таки надо сказать правду: она много помогла мне! Я был счастлив! именно счастлив, несмотря на то что Клара и в то время служила мне больше средством... Хорошенькое средство — что ж, это, во всяком случае, лучше, нежели какая-нибудь золотушная воспитанница или сорокалетняя девица-племянница, вроде тех, к каким так часто прибегает наш брат мелкая сошка, чтоб беспечально прожить на свете! И если рассуждать справедливо, ведь я виноват перед Кларой, я слишком увлекся! Я увлекся идею просвещенной и добродетельной бюрократии — по-видимому, ведь это — magnifique¹, а между тем на практике оказывается, как говорит этот гнусненький князь, что мы все... немножко подлецы! Но это все бы еще ничего: ну, пользовался, ну, бросил, что из того! вопрос в том, вовремя ли бросил? не слишком ли многое понадеялся на свои силы, переставая держаться спасительного берега? Оказывается, что не вовремя, оказывается, что я должен был выждать... а как выждать? Не сама ли Клара первая вызвала меня на борьбу: зачем она обращалась не ко мне, а прямо к этому старому дурню? Во-первых, я сделал бы то же самое, но приличнее и умнее; во-вторых, не страдало бы мое самолюбие. Но, с другой стороны, и князек прав: какое мне дело до всего этого — ведь я не ответственное лицо! Нет, он не прав, как тут ни вертись, а неловко; Шалимовы поднимают нос недаром. Такие люди, как я, должны смотреть в будущее, а как посмотришь туда, иногда голова закружится! Да, тяжкое переживаем мы время; страсть к верхушкам осталась прежняя, а средства достичь этих верхушек представляются сомнительные. Прежде, бывало, одного чего-нибудь держишиесь: если князь в силе, ну и хватайся за него; нынче старое не вымерло, новое не народилось, а между тем и то и другое дышит. Умрет ли старое, народится ли новое, где будет сила? Интрига, интрига и интрига — вот властелин нашего времени! Улыбаешься налево какому-нибудь олимпийцу, который так, кажется, и застыл в своей олимпийской непромокаемости, а направо жмешь руку сорванцу мальчишке, который так и смотрит, как бы проглотить тебя! (*Задумывается и ходит несколько минут в волнение по комнате.*) Нет, да каково же существовать, каждую минуту ожидая, что вот-вот нахлынет какая-то чертова волна, которая поглотит тебя! А покончить со всеми этими Кларами, Таракановыми и прочею зараженною ветошью... нет, мы слишком подлецы для этого! Князек сказал правду: та опасность отдаленная, а здесь грозит что-то близкое, почти страшное. Кто ж виноват, что в нас так живо чувство самосохранения? Не написать ли мне, однако ж, письмо к Кларе! уж если мириться, так мириться вполне!

(Садится к письменному столу, пишет, потом читает.)

«Мне передал маленький князь ваше милое приглашение, дорогая Клара, и я, конечно, расцеловал бы вашего Меркурия, если б он не был слишком похож на гнусного старца, над которым вы так мило посмеивались в те счастливые времена (помните ли вы их, ветреная, но милая *Manon*?), когда я удостоился целовать ваши крошечные голенькие ножки...» (*Прерывая чтение, в сторону.*) Все лучше, как припомнишь старое: не покажет письма! (*Продолжает.*) «...и если бы я самого себя считал Юпитером. Мне тем приятнее было видеть, что милая *Manon* не забывает своего *chevalier des Grieux*, что с некоторого времени я как будто бы нахожусь под опалой; надеюсь, однако ж, что достаточно будет самого короткого объяснения...» Ну, и так далее.

(Кладет письмо в конверт и звонит.)

¹ великолепно.

Сергей! возьми это письмо и снеси к Кларе Федоровне; только отдай умненько: п онимаешь?

Лакей. Будьте покойны.

Клаверов. А теперь дай мне вицмундир.

Слышен звонок в передней.

Кого еще там черт принес?

Лакей уходит.

СЦЕНА VIII

Те же и потом Нарукавников.

Лакей. Господин Нарукавников.

Клаверов. А! проси.

Нарукавников входит, одет в щегольском сюртуке.

Нарукавников. Я имею честь говорить с господином Клаверовым?

Клаверов. Да-с, с господином Клаверовым.

Нарукавников (*подавая письмо*). В таком случае позвольте вручить вам записку от князя Сергея Кириллыча Тараканова.

Клаверов (*прочитав записку, несколько времени стоит в нерешительности, потом бросает письмо на стол; хладнокровно*). Я должен сказать вам, господин Нарукавников, что у меня в настоящее время не имеется для вас вакансии.

Нарукавников. Однако ж князь удостоверил меня, что вакансия есть, и, следовательно, я обязан ему верить.

Клаверов. Я по совести должен вам сказать, что вам удобнее будет верить мне!

Нарукавников. Во всяком случае, я свое дело сделал, то есть вручил вам записку князя, и засим вам ближе известно, как поступить дальше. По совести, однако ж, я должен вам сказать, что буду иметь честь служить под вашим начальством.

Клаверов. Это очень любопытно!

Нарукавников. Напротив того, это очень просто, потому что я уж заплатил деньги за место.

Клаверов. Вы, конечно, господин Нарукавников, знаете, что это с вашем стороны большой риск говорить мне подобные вещи!

Нарукавников. Поверьте мне, господин Клаверов, что это вовсе не риск, а простое желание сократить время, необходимое для

объяснений. Повторяю: место будет за мной, потому что я заплатил деньги, а мы, потомки откупщиков, не имеем привычки бросать деньги даром.

Клаверов. Если вы так уверены, то мне ничего не остается делать больше, как раскланяться с вами.

Нарукавников. Князь, вероятно, сегодня же лично повторит вам покорнейшую просьбу о моем определении.

(Уходит.)

СЦЕНА IX

Клаверов один (несколько минут ходит по комнате в чрезвычайном волнении).

Клаверов. Приятно получать такие щелчки по носу? а? приятно? И от кого? от женщины вольного обращения! Да, от нее, от нее, я не могу скрыть от себя, что от нее! Если б не она, я бы смешал с землей это откупщичье отродье, а теперь... Что же я буду делать теперь? куда я пойду? Если я серьезно вздумаю протестовать, что со мной будет? Ведь я дрянь, я сам выскочил в люди по милости женщин вольного обращения! Ведь это ни для кого не тайна! Ведь если *теперь* не суют мне этим в лицо, то именно потому, что я выскочил, а не застрял где-нибудь в трущобе! Куда же я денусь? Оставаться на высоте, но ведь не могу же я скрыть от себя, что я лакей, что я держусь именно потому, что я лакей! Раскаяться, съехать в трущобу — но ведь там уж давно простирают ко мне объятия милые друзья детства, которые с утра до вечера будут гнусить мне в уши: лакей, лакей и лакей! Нет, как ни трудно попасть в колею, а выскочить из нее еще труднее! И ведь какая змея! Другой хоть для вида, хоть из учтивости смягчил бы свои выражения, а этот... И главное, то обидно, что ведь достигнет, непременно достигнет, и что ни я и никто в мире не в силах этому помешать. Что ж, он прав! не все ли мы поступаем и поступали точь-в-точь таким же образом. В одном случае искательны, в другом благородны, в третьем нахальны — в сумме-то что, в сумме-то что? Ну, и он... воображаю я, каким он пролазом увивался около этой статс-авилюнинки, и, с другой стороны, какие жалкие убеждения развивал перед тупоумным старишкой, и с какою благородною непоколебимостью их защищал! «Горячая голова, но честная душа!» — шамкал, я думаю, выживший из ума старик, любуясь своим *protégé*¹! Да, черта с два, честная душа! Он просто двойник наш, он просто такая же тень человеческая, как и все эти Набойкины, Бобыревы... Бобырев! то-то, воображаю, облизывался давеча, взирая на меня! «Вот-то, — чай, говорит себе, — счастливчик этот Клаверов!» (Ударяет себя по лбу, как бы озаренный внезапною мыслью.) Ба! Бобырев... Сонечка Мелипольская... какая мысль!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ II

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бобырев.

Софья Александровна, жена его 22-х лет, очень красивая женщина; сильно избалована провинцией.

Ольга Дмитриевна Мелипольская, 43-х лет, провинциальная *grande dame*², когда-то слыла красавицей, и потому сохранила об молодости самые приятные воспоминания. Мать весьма снисходительная.

¹ подопечным.

² светская дама.

Клаверов.

Набойкин.

Савва Семеныч Обтяжнов; 55 лет; откупщик, бывший друг дома Мелипольских, мужчина крепкого телосложения и совершенно беззастенчивый; говорит громко и хохочет во все горло.

Мсьё Апряин

Мсьё

Камаржинцев

} молодые люди, отлично одетые, отлично завитые; из тех, которые любят являться в семейные дома, чтоб там посидеть, поиграть цепочкой, помолчать и потом раскланяться.

Театр представляет гостиную в квартире Бобыревых; мебель и убранство средней руки и напоминает трактир. При открытии занавеса Софья Александровна и Ольга Дмитриевна сидят на диване в глубине сцены; подле Софьи Александровны Обтяжнов, подле Ольги Дмитриевны Набойкин, Апряин и Камаржинцев расположились симметрически напротив дивана. Три часа дня. Между первым и вторым действиями прошел месяц.

СЦЕНА I

Ольга Дмитриевна, Софья Александровна, Обтяжнов, Набойкин, Апряин и Камаржинцев.

Обтяжнов. Уж вы мне поверьте, Софья Александровна, этой молодятине против пожилого и солидного мужчины далеко не выстоять! Потому что, хотя молодежь нынешняя и сечет, и рубит, и в полон берет, а в итоге все-таки выходит очень мало и ничего, между тем как человек солидный...

Софья Александровна. Как, например, вы?

Обтяжнов. А хоть бы и я. Вот я бы, например, вас, нашу кралечку, в кружевца да в блондочки закутал, да и сидел бы тут на скамеечке у ваших ножек... ей-богу, так. (Хохочет.) Обстановка-то вышла бы другая!

Набойкин. Вы это недурно придумали, Савва Семеныч!

Апрянин. Геркулес у ног Омфалы; у Фельтена в окне прелестнейший эстамп на этот сюжет выставлен!

Софья Александровна. А вы бы хотели быть моим Геркулесом, мсьё Апрянин?

Апрянин конфузится и что-то мычит в ответ.

Камаржинцев. Геркулес совершил семь подвигов, Софья Александровна!..

Апрянин. Двенадцать, Камаржинцев!

Камаржинцев. Ах да, двенадцать! Семь — это семь чудес света!

Ольга Дмитриевна. А вы, messieurs, не можете совершить даже одного подвига: не можете достать ложу в «Дочь фараона»!

Набойкин (*в сторону*). На свои деньги — такой подвиг для них довольно труден!

Ольга Дмитриевна. В самом деле, messieurs, нынешняя молодежь ужасно как-то бессердечна стала. В мое время не нужно было напоминать, ни даже просить; в мое время достаточно было хорошенъкой женщине дать маленький намек, и les messieurs¹ готовы были в огонь и в воду, чтоб сделать приятное. Не правда ли, Савва Семеныч? Вы помните, так бывало в наше время?

Набойкин. Ну, я полагаю, что Савва Семеныч охотнее обойдется без огня и воды!

Обтяжнов. Гм... пожалуй, что и так! Признаюсь, Ольга Дмитриевна, я больше по части букетов, уборов и комнатных украшений! От этого не сгоришь и не захлебнешься. (*Хохочет*.) Серьезно, Софья Александровна, вам угодно иметь сегодня ложу?

Софья Александровна. Да, достаньте.

Обтяжнов. Будет-с. (*К Апрянину и Камаржинцеву*.) По крайней мере, вы увидите, молодое поколение, как следует служить дамам! (*Софье Александровне*.) Позволите вместе с ложей прислать букет, belle dame²?

Софья Александровна (*улыбаясь*). Позволяю и это.

Обтяжнов. Ну вот и прекрасно. И ручку, стало быть, позволите поцеловать?

Софья Александровна. «Стало быть»! Фуй, мсьё Обтяжнов! Уж вы сейчас и платы требуете!

Обтяжнов. Ведь я вас этакую еще знал, Софья Александровна! (*Отмеривает рукой на ариин от полу*.) Ну-с, впрочем, это когда-нибудь после. Я, Софья Александровна, никогда не отчиваюсь. Одна очень миленькая барыня даже мужу на меня пожаловалась, — я и тут не пришел в отчаянье! (*Хохочет*.)

Софья Александровна. Вы можете быть уверены, что я не пожалуюсь.

Обтяжнов. И представьте себе, какой странный случай! Муж даже совсем не обиделся!

Камаржинцев. У Поля Феваля в последнем романе есть на этот счет прелестная страница!

Обтяжнов. На мой счет?

Апрянин. Нет-с, вообще, насчет мужей.

Набойкин. Вы не забывайте, однако, Савва Семеныч, что доверчивость мужей в этом случае очень плохой знак!

¹ мужчины.

² красавица.

Обтяжнов. Ну да, разумеется, куда же нам с нашей простотой! Я ведь уж объявил почтенному обществу, что мы, старики, больше по части букетов, лож и комнатных украшений. Солидное, господа, солидное — вот наш девиз. А впрочем, Софья Александровна, ручку-то — уж позвольте...

Софья Александровна. Прежде заслужите.

Обтяжнов.

Служить я готов. Как это вы сказали, господа: семь или двенадцать подвигов следует совершить?

Набойкин. Насчет этого мнения разделены: изыскания, которым следует мсьё Камаржинцев, утверждают, что семь; другие, к школе которых принадлежит мсьё Апрянин, доказывают, что двенадцать.

Обтяжнов. Чтоб прекратить спор, я готов совершить и семь и двенадцать. Вы довольны, *belle dame*?

Набойкин (*вполголоса Ольге Дмитриевне*). Заметьте, однако ж, Ольга Дмитриевна, какие у Обтяжнова с некоторых пор утонченные манеры: *belle dame* так и не сходит с языка!

Ольга Дмитриевна. *Etes-vous méchant¹, monsieur Набойкин!* (*Обтяжнову.*) А вы, Савва Семеныч, всё около молоденьких увиваетесь! вам бы, по старой памяти, подле меня сидеть следовало, а ваше место уступить мсьё Набойкину!

Обтяжнов. Ну уж нет, Ольга Дмитриевна! Хоть я и очень вас уважаю, а Софью Александровну не покину... все-таки потому, что я их вот этаконьку еще знал! А расцвели-таки вы, Софья Александровна! И ребеночком-то вы уж обещали, а теперь... просто для нашего брата, солидного человека, погибель!

Софья Александровна. Смотрите, берегите ваше сердце!

Обтяжнов. Где уж сберечь! И как подумаешь, что ваш Николай Дмитрич так-таки с утра и оставляет вас в одиночестве!

Ольга Дмитриевна. Да, представьте себе! даже вечером очень часто!

Софья Александровна. Что ж тут удивительного, *maman?* *Nicolas* служит, не может же он все сидеть подле меня!

Обтяжнов. Ну, нет-с, Софья Александровна, я бы так не поступал-с! Откровенно вам скажу, если б я был вашим мужем, я бы ни на минуту! Помилуйте, с утра до вечера убиваться над какою-нибудь сушью, над какою-то, с позволения сказать, бумажною мертвечиной, когда в глазах находится такая прелестная живая поэма!

¹ Какой вы злой.

philosophie à deux, mais c'est charmant!²

Обтяжнов. Вот видите, Ольга Дмитриевна, стало быть, нет худа без добра! Поверьте, что всякое занятие хорошо, когда оно производится à deux. Вот я целый месяц убиваюсь, доказываю это Софье Александровне! (Хохочет.)

Ольга Дмитриевна. Нет, messieurs, вы не понимаете, этого! У вас все это как-то материально! Даже Савва Семеныч — и тот изменил à la bonne vieille galanterie³.

Обтяжнов. Помилуйте, belle dame! Я совершенно таков, как кому угодно! Если даме нравится galanterie — я не прочь и от этого! Ручку там поцеловать или ножкой полюбоваться — ведь это еще не бог знает какая провинность! Софья Александровна! царица! да скажите же хоть словечко в защиту вашего верноподданного!

Софья Александровна. Вы увлекаетесь, мсье Обтяжнов!

Ольга Дмитриевна. А я так нахожу, что Савва Семеныч совершенно прав. Мы, русские женщины, живем какою-то странною жизнью, les messieurs нами пренебрегают, охотнее остаются между собой, особливо с тех пор, как эта скучная политика и разные гадкие вопросы завладели всеми. Иногда по вечерам у Николая Дмитрича бывает очень много messieurs, но все они так и смотрят, как бы поскорей исчезнуть в кабинет, чтобы накуриться и наболтаться разной гадости. А нам даже словечка не промолвят.

Софья Александровна. Маман, можно подумать, что вы жалуетесь!

Ольга Дмитриевна. Еще бы! Я, право, не понимаю этого существования. Il n'y a plus de galanterie¹ — ну, положим, что это так следует, но ведь надо же заменить ее чем-нибудь! Не сидеть же нам, бедным, сложа руки по углам; ведь не забудьте, что женщина недаром считается царицею общества.

Апрянин. Царицею бала, Ольга Дмитриевна!

Набойкин. А по-вашему, бал выше общества?

Апрянин видимо остается недоволен этим замечанием.

В том, что вы сейчас высказали, Ольга Дмитриевна, есть много правды, но что же делать? таково направление века! Если мужчины философствуют, надобно, чтоб и женщины философствовали вместе с ними!

Ольга Дмитриевна (вздыхая). La

¹ Нет больше галантности.

² Философия вдвоем — это восхитительно!

³ доброй старой галантности.

В передней раздается звонок; Апрянин и Камаржинцев встают и раскланиваются.

Апрянин и
Камаржинцев (вместе).
Позвольте надеяться, Софья
Александровна, что вы и на
будущее время не откажете нам
в вашей благосклонности! Ольга
Дмитриевна!

Ольга Дмитриевна.
Mais constamment, messieurs,
venez nous voir souvent¹.

Софья
Александровна. Au revoir,
messieurs!²

Апрянин и Камаржинцев уходят.

Обтяжнов (вполголоса

Софье Александровне). Ходите почаше, без вас веселее! Вот народец-то! Надобно думать, что их в младенчестве не волчица, а ослица молоком выпоила!

Набойкин. Ну, нет, не говорите этого; в своей сфере и они преопасный народ! вот, например, зайти к Доминику, наесть на целковый, заплатить только за два пирожка — это они устраивают весьма ловко.

Ольга Дмитриевна. Фи, мсьё Набойкин!

СЦЕНА II

Те же, кроме Камаржинцева и Апрянина. Клаверов.

Обтяжнов (уступая Клаверову свое место подле Софьи Александровны). Вашему превосходительству честь и место.

Клаверов (подавая руку дамам). Bonjour, mesdames. А я нарочно к вам поспешил, чтобы сообщить приятную новость. Николай Дмитрич определен.

Набойкин. Браво!

Ольга Дмитриевна. Ну вот видишь, Sophie, как все это мило устроилось! Петр Сергеич! мы должны быть вдвойне благодарны вам: и за себя и за Nicolas: он так исстрадался, бедный, в последнее время! Вы поступили как истинный рыцарь!

Обтяжнов. Стало быть, теперь Николай Дмитрич еще больше будет сидеть в канцелярии! Это успех.

Клаверов. Il a fait ses preuees³, и притом самым блестательным образом. Князь сам читал его работу и остался от нее в восторге. Только и говорил целое утро сегодня: это удивительно, mon cher, я решительно все понял! А это, я вам доложу, похвала не малая: я целых два года мучился, чтобы достигнуть такого результата!

¹ Ну, разумеется, приходите к нам почаше.

² До свиданья, господа!

³ Он оправдал ожидания.

Софья Александровна. Мы этим вам обязаны, Петр Сергеич! (*Подает ему руку, которую Клаверов целует.*) Вот, Савва Семеныч, сумейте заслужить таким же образом!

Клаверов. А что, верно, Савва Семеныч любезен, как и всегда?

Набойкин. Мало того что любезен: увлекается, возвышается до поэзии!

Обтяжнов. Любезен-то я любезен, да любезности-то мои... Нет, уж стара стала, слаба стала, Петр Сергеич: пора, видно, и на покой! Не то что вы, молодые люди: пришел, увидел и победил!

Софья Александровна томно улыбается Клаверову. Обтяжнов грозит ей.

Нечего, нечего улыбаться-то, сударыня! Вспомните когда-нибудь и нас, солидных людей!

Набойкин. А как же Нарукавников?

Клаверов. Ему приказано подождать следующей вакансии... ну, он и подождет ее! А признаюсь, я таки сильно опасался за успех (*смотрит, улыбаясь, на Софью Александровну*), но вчерашний вечер доставил мне решительную победу!

Софья Александровна. Messieurs, что ж вы не курите? Петр Сергеич! (Звонит.)

Входит лакей.

Огня!

Клаверов. Ах да! чуть не забыл; вы мне позовите, Софья Александровна, просить вас принять от меня ложу на сегодняшний спектакль: дают «Дочь фараона», которую Ольга Дмитриевна так желала видеть. (*Вынимает билет.*)

Обтяжнов. Да помилуйте, Петр Сергеич, я только что вызвался...

Ольга Дмитриевна. Не вызвались, Савва Семеныч, а вас попросили!

Обтяжнов. Да нет, Петр Сергеич, уж это значит, вы просто вторгаетесь в чужую сферу!..

Клаверов. Савва Семеныч, возьмите себе за правило: никогда не следует дожидаться, чтоб вас просили дамы. Надо самому предупреждать их желания.

Набойкин. Это вам поучение на будущее время, Савва Семеныч! Впрочем, вам еще остается утешение — букет!

Обтяжнов. Пожалуй, Петр Сергеич и это утешенье отнимет. (*Софье Александровне.*) Впрочем, я все-таки не отчаиваюсь, belle dame!

Ольга Дмитриевна. Вот я приглашала вас, Савва Семеныч, быть моим cavalier servant¹ — вы не хотели! А я была бы снисходительнее.

Обтяжнов. Помилуйте, Ольга Дмитриевна, как я смею не хотеть! Я желал только сказать, что мне хорошо и подле Софьи Александровны. (*Набойкину.*) Однако, знаете ли, Павел Николаич, уж если заказывать букет, так заказывать, поедемте-ка вместе. (*Встает, за ним Набойкин.*)

Софья Александровна. Messieurs, я надеюсь, что вы обедаете у нас: сегодня мы будем праздновать победу!

Набойкин. Если вы прикажете!

Обтяжнов. А я, Софья Александровна, не буду: Петр Сергеич у меня весь аппетит уничтожил. Не будь этого обстоятельства, я готов бы был обедать с вами не только сегодня, но и вечно... ей-богу!

Клаверов. Вот и видно, что вы уж в преклонных летах: только и думаете об том, чтобы вечно обедать. А впрочем, не грустите, добрый старик: я сегодня не обедаю у Софьи Александровны, следовательно, вы можете располагать своим аппетитом, как вам угодно.

Софья Александровна. Отчего же вы не хотите обедать с нами?

Клаверов. Нельзя, Софья Александровна, князь звал меня; а вы знаете, когда меня призывает долг...

Софья Александровна. Это очень мило!

Обтяжнов. Не грустите, Софья Александровна! Я буду. И какой же сюрприз я вам приготовлю! (*Уходит вместе с Набойкиным.*)

Софья Александровна. Maman, вы бы распорядились насчет обеда!

Ольга Дмитриевна. И то правда! Nous autres, vieilles femmes², мы только и годны на то, чтоб хозяйничать! (*Вздыхает.*) А было время, когда и за меня хозяйничали!

Клаверов. Помилуйте, Ольга Дмитриевна, за вас и теперь можно похозяйничать!

Ольга Дмитриевна. Нет, это уж комплимент. Я сама очень хорошо знаю, что мое время прошло. Je vous laisse, mes enfants³. (*Уходит.*)

СЦЕНА III

Те же, кроме Ольги Дмитриевны, Набойкина и Обтяжнова.

Клаверов. Cher ange!¹ вы произвели целую революцию! Старик просто трепещет, говоря об вас! Само собой разумеется, что он не читал никакой работы Бобырева.

Софья Александровна. И вы довольны этим?

Клаверов. Разумеется, доволен за вашего мужа. Разумеется также, что соперничество такого почтенного старца, как князь, не может тревожить меня. Я не

должен скрывать от вас, милая Sophie, что надо еще перейти через много трудностей, чтобы обеспечить успех вашего мужа, а следовательно, и ваш собственный. Тут целая cabale,² люди с большим влиянием, а главное женщина, — все это держит сторону Нарукавникова и может каждую минуту изменить решение князя. Знаете ли вы, что даже канцелярия, даже товарищи начинают незаметно склоняться на сторону Нарукавникова?

¹ рыцарем.

² Мы, старухи.

³ Я оставляю вас, дети мои.

Софья Александровна. Эти зачем?

Клаверов. Очень просто. Чтоб подвинуть вашего мужа, я должен буду дать ему работу несколько посерезнее тех, какими изобилует наше управление. Надобно вам сказать, что я никогда и никому не поручаю подобных работ. Во-первых, у нас служит, по большей части, народ совершенно неспособный, мечтающий только о том, как бы шикарнее пройтись по Невскому, следовательно, подобные господа в серьезном деле могут только напутать; во-вторых, я не хочу, чтоб кто-нибудь из этих господ мог зарекомендовать себя с серьезной стороны перед кем бы то ни было; это мой расчет, и расчет, который вы, конечно, извините, если вспомните, что я сам собственными силами устраиваю себе карьеру. Но для вашего мужа я должен был изменить своему обычному образу действия...

Софья Александровна. Какой вы благородный, Pierre! (*Протягивает ему руку, которую он целует и гладит.*) Знаете, мне так хорошо, когда вы мне гладите руку... Pierre! ведь вы любите меня?

Клаверов. Еще бы! Для кого ж я и делал все, что до сих пор делал? Но буду продолжать свой рассказ. Итак, я поручил вашему мужу одно довольно сложное дело, и понимается, что необычайность такого факта не могла не броситься в глаза всей канцелярии. Стань

Бобырев скромно в стороне, не высовывайся вперед из этой толпы ничтожеств, которыми так богаты полки бюрократии, он прошел бы незамеченным и скоро получил бы право гражданственности между товарищами. Но теперь — дело другое. В нем уже начинают видеть новое светило, начинают подозревать, что Бобырев — опасный соперник,

которого каждый может встретить на дороге, в неистовой погоне за местами, которая до сих пор составляет главный, если не единственный, жизненный интерес нашей администрации...

¹ Милый ангел.

² шайка.

не даю ему случая выказать свои способности?

Софья Александровна. Что ж вы?

Клаверов. До того меня довел, что я должен был сказать ему, что никак нельзя выказать то, чего нет в наличии...

Софья Александровна. И вы сказали это? Какой вы храбрый! А я ведь думала, что Набойкин — *garçon de beaucoup d'esprit!*¹

Клаверов. Это оттого, что вы его мало знаете, Sophie! Он так же, как и все эти трутни-проходимцы, весь сшит из чужих лоскутьев, весь набит чужими словами, весь пропах чужими запахами.

Софья Александровна делает брезгливое движение.

Pardon, chère, что я употребил такое глупое выражение, но когда я говорю об этих жалостных людышках, то вся желчь во мне закипает! Они целый день снуют без дела и подслушивают, не проронит ли кто словечка, которым можно было бы прожить следующие сутки, и, подслушавши, суются с ним всюду, где только подозревают, что им не скажут в лицо дурака. Заведите, например, Набойкина насчет современного направления человеческой мысли и деятельности — каких чудес он вам не наскажет! А в сущности, все это будет лишь тусклой гнилью, почти презренным набором слов, за которым не слышится ни системы, ни убеждения, ни даже хорошо обдуманной подлости! И то, что в серьезном человеке является системою, убеждением, у них выходит мертво, тускло и пошло-хвастливо. Какое сравнение, например, с Шалимовым! Положим, что мы пошли с ним разными дорогами, положим, что он говорит пустяки, но, по крайней мере, чувствуешь, что за этими пустяками горит кровь, бьется сердце!

¹ очень умный молодой человек!

Софья Александровна. И все это для меня!.. бедный Pierre!

Клаверов. Все это для вас, и для одной вас, Sophie! Знаете ли вы, например, что Набойкин первый...

Софья Александровна. Неужели Набойкин?

Клаверов. Как же, имел со мною весьма длинное и даже весьма глупое объяснение не далее как вчера. Поверите ли вы, что он целый час приставал ко мне с вопросами, почему я

Софья Александровна. Какой вы умный, Pierre!

Клаверов. В том-то и заключается трудность нашего положения, что мы не можем найти людей с сердцем, которые поддерживали бы те принципы, которые мы поддерживаем!

Софья Александровна. Какие же это принципы, Pierre? Муж иногда говорил мне об этом, да я как-то все не понимаю... (*кокетливо*) ведь я глупенькая, Pierre? ведь я девочка, которой надо все толковать?

Клаверов (*приближаясь к ней*). Принципы, chère... (*В сторону*.) Черт возьми, однако ж! принципы! (*Вслух*.) Принципы — это такая вещь, об которой не говорится между влюбленными. Вы знаете ли, Софья Александровна, что ваша ложа сегодня будет рядом с княжеской?

Софья Александровна. Это принцип, Pierre?

Клаверов. Да, это принцип, и называется он принципом необходимости. Но нет, шутки в сторону: князь просто в восторге от... тебя... ведь от *тебя*, не правда ли?

Софья Александровна улыбается.

Ты знаешь ли, Sophie, что я совершенно счастлив, когда ты так улыбаешься?

Софья Александровна. Ну, я всегда буду улыбаться.

Клаверов. Иногда, когда я корплю один дома за этими проклятыми бумагами и когда мне невольно приходит на мысль, как я бываю счастлив, когда ты сидишь подле меня, когда ты глядишь мне в глаза своими добрыми синими глазами... знаешь ли, ведь мне делается очень тяжело! В эти минуты Бобырев мне просто ненавистен.

Софья Александровна. Я понимаю это, Pierre!

Клаверов. Еще бы! Знаешь, ведь я очень серьезно смотрю на мои отношения к тебе! Меня это мучит, волнует, что я поневоле должен делиться своим счастьем! Знаешь ли ты, что весь этот двор, который тебя постоянно окружает, все эти Набойкины, Обтяжновы, которые смотрят тебе в глаза, как будто ждут какой-то подачки... все это иногда невыносимо!

Софья Александровна. Но ведь пойми же, Pierre, что все эти господа более помогают, нежели мешают тебе! Они необходимы нам, чтобы скрыть наши отношения, чтобы развлечь внимание мужа...

Клаверов. Все это я понимаю; понимаю также, что женщина светская и хорошенькая должна быть окружена, но что же мне делать, если я не могу переломить себя? Ведь ты меня любишь, Sophie? Скажи, любишь ли ты меня?

Софья Александровна, вместо ответа, ласкается к нему.

Соня! Я думаю, что ты чем-нибудь приворожила меня?

Софья Александровна. Своими добрыми синими глазами, Pierre!

Клаверов (*целуя ее глаза*). Ну да, ну да. Так я надеюсь, que vous soignerez votre toilette pour ce soir, madame!¹

Софья Александровна. Ах, Pierre, мне просто не хочется ехать в этот противный театр! Знаешь ли, даже в тот раз мне было неприятно. Этот князь так гадко смотрел на меня, что мне казалось...

¹ что вы позаботитесь о туалете для сегодняшнего вечера, сударыня.

Клаверов. Ну да, ты так и смотри на него, как на гадкого, глупого старикашку. Виновата ли ты, что ты так хороша? Вправе ли ты запретить кому бы то ни было любоваться тобой?

Софья Александровна. Это тоже принцип, Pierre?

Клаверов. Ну нет, это не принцип, а наслаждение. Какие же могут быть принципы там, где есть только наслаждение! Соня! ты заметила, что я беспрестанно противоречу самому себе? ведь ты заметила?

Софья Александровна. Ну, так что ж?

Клаверов. Вот это-то и есть признак любви действительной и страстной. Истинная любовь не может быть последовательна, Sophie! Она и ревнует и в то же время заботится о том, чтобы окружить дорогое существо всеми возможными радостями, чтобы исполнить все его желания, даже капризы... Я нахожусь именно в этом положении: мне и грустно, что ты постоянно окружена, а вместе с тем и весело, что это радует мою милую птичку!..

Софья Александровна. Да это совсем меня не радует. Ты ошибаешься, Pierre!

Клаверов. Ну нет, не ошибаюсь. Признайся, что ты немножко избалована? что тебе будет скучно без поклонников? Ведь правда? ну скажи: правда?

Софья Александровна. Ну, правда!

Клаверов. Вы, женщины, — странные существа! Для вас поклонение и лесть такое наслаждение, против которого вы редко можете устоять. Когда я был молод, я знал одну женщину, которая была прекрасная мать семейства, верная жена...

Софья Александровна. Ах, Pierre, как ты говоришь скучно! Ты лучше...
(Внезапно смолкает.)

Клаверов. Что же лучше?

Софья Александровна (конфузясь). ...поцелуй меня!

Клаверов целует ее.

Скажи, а ты много любил женщин?

Клаверов. А! ревность!

Софья Александровна. Совсем не ревность, а просто любопытство. Мне бы хотелось знать, так ли ты их любил, как любишь меня?

Клаверов. Ну, а еще что бы хотелось тебе знать?

Софья Александровна. А еще хотелось бы знать, так ли они тебя любили, как я люблю?

Клаверов. Нет, Соня! Зачем же тревожить старые воспоминания! Ведь того не воротишь, что было... а было много... да, много хорошего!

Софья Александровна. Как это мило говорить такие вещи в глаза женщине, которая вас любит!

Клаверов. Да ведь оно прошло, глупенькая девочка! А ведь прошло-то оно именно потому, что настоящее слишком хорошо!

Софья Александровна (задумчиво). Вот, может быть, и я когда-нибудь сделаюсь старым воспоминанием! Так мы совсем останемся в Петербурге, Pierre?

Клаверов. Да, это уж уложено.

Софья Александровна. Как я счастлива! Я вдвойне счастлива: во-первых, тем, что буду жить в одном городе с тобой, во-вторых, тем, что все это устроил для меня ты!

Клаверов. Только ты уж, пожалуйста, слушайся меня, моя девочка!

Софья Александровна. Буду, буду... хоть этот князь и противный!

Клаверов. Нельзя, mon ange!¹ От этого зависит будущность твоего мужа; от этого, наконец, зависит наше собственное счастье.

За сценой слышится голос Ольги Дмитриевны: «Соня! Соня!»

Софья Александровна. Ах, маман, какие вы несносные! Что вам нужно!

Ольга Дмитриевна (за сценой). Да поди же сюда, Sophie!

Софья Александровна. Ну, да хорошо, иду! Ах, какая скука! Вы позовите, Pierre? (Уходит.)

СЦЕНА IV

Клаверов (один). Покамест дело устраивается лучше, нежели даже я мог ожидать. Князь в восторге от Бобыревой, и если мне удастся моя маленькая комбинация, то я могу надеяться, что будущее не обманет меня. Во всяком случае, уж и это значительная победа, что два больших скандала устраниены; не далее как сегодня Шалимов извинялся предо мной и объявил, что он изменяет свое мнение обо мне. Странное дело! кажется, что такое все эти Шалимовы, все эти обыватели, которые копошатся где-то там вдали, что-то устраивают, рассуждают о каких-то азбуках, а как подумаешь, что все это глядит на тебя, все следит за тобою... не то чтобы робость, а так какое-то скверное чувство невольно овладевает: точно ножом по тарелке полоснули. И ведь с какою ядовитостью он высказался передо мной; почти что бросил мне прямо в глаза: извини, дескать, мы думали, что ты подлец! И я должен был замолчать; я должен был замолчать именно потому, что эти господа не хуже нашего поняли, что нахальство есть самое верное средство, чтоб не затонуть в болоте, которое мы называем жизнью. Что ж, мы и промолчим, мы сумеем и снести! ; мы сделаем это не потому, чтоб в нас недостало духу отвечать на дерзость даже чем-нибудь похуже, нежели просто дерзостью, а потому, что жизнь еще обладает нами и мы надеемся со временем сами овладеть ею! Однако что ж это за жизнь, господа! что это за жизнь! Ведь нет места, которое можно бы назвать целым, которое бы не было составлено из мелочей! Тут пронесся слух, что князь непрочен, — беспокойство; там другой слух, что на место князя Лакрицкин, — еще беспокойство. И все это шушукает, все это скрывается. Вот угадывай тут, умей составлять целые фразы из разрозненных слов, схваченных на лету!

СЦЕНА V

Клаверов, Софья Александровна и Ольга Дмитриевна.

Софья Александровна. (входит быстро с большим букетом в руках). Да посмотрите же, Клаверов, какая это прелесть!

Клаверов. (рассматривая букет). Да, это очень мило. Ай да Обтяжнов! честь и слава ему!.. А может быть, и Набойкин помогал — честь и слава Набойкину!

Ольга Дмитриевна. Да нет, это не Обтяжнов: представьте себе, Петр Сергеич, что букет принесли от князя Тараканова!

¹ ангел мой.

Клаверов. Князь? однако я не подозревал, чтоб он повернул так круто!.. (Иронически.) Верно, работа Николая Дмитрича до такой степени на него подействовала, что он, на радостях, счел необходимым и Софью Александровну благодарить за то, что она подарила ему такого мужа!

Софья Александровна. Ах, боже мой! ведь я об этом и не подумала! Да нет, вы не шутите, Клаверов; скажите лучше, ловко ли мне принять этот букет?

Клаверов. Право, не знаю, как и отвечать вам. Конечно, это уж как-то чересчур бесцеремонно, но, с другой стороны, как же не принять?

Ольга Дмитриевна. Человек князя уж ушел.

Клаверов. Ну, стало быть, тем более надобно принять... черт возьми, однако, как эти господа быстры в своих движениях!

Софья Александровна. Этот Nicolas! — вечно его нет, когда нужно!

Клаверов. А я так нахожу, что это хорошо, что его нет. Согласитесь сами, что ж бы он стал делать?

Софья Александровна. Я не знаю... да нет, я отошлю... посмотрите, однако ж, какой прелестный букет! Maman, как вы думаете: отослать?

Ольга Дмитриевна. Я тебе сказала, ma chère, что человек князя ушел.

Софья Александровна. Да ведь он не имеет права... в самом деле, что ж это такое? Maman! вы никогда ничего, кроме глупостей, не делаете!

Клаверов. Позвольте остановить вас, Софья Александровна: вы совершенно напрасно ссоритесь с Ольгой Дмитриевной! Конечно, я никогда не стану оправдывать князя: он поступил глупо, но ведь, с другой стороны, княгиня Тараканова, его мать, ни перед кем и не обязывалась произвести на свет умного сына... Но если вы в самом деле думаете, что князь не имел права сделать вам неучтивость, то очень ошибаетесь! Эти господа считают себя вправе делать все, что им придет в голову; да если рассудить хладнокровно, то и действительно имеют это право. Кто может противоречить им? Кто может им запретить делать что бы то ни было? Вы подумайте когда-нибудь об этом, Софья Александровна, хотя это такой страшный вопрос, от которого может закружиться любая голова! Скажите, ну что же вы сделаете? что сделаете и вы, и Ольга Дмитриевна, и даже ваш муж? Ведь как ни глуп князь, но он понимает отлично, что в его руках вся будущность вашего мужа, он знает наверное, что, прежде чем подумать с ним спорить, Николай Дмитрич пройдет через тысячи нравственных мук, через тысячи ножей! Тут даже не борьба, тут просто подлая уверенность в своей не могущей встретить противоречия силе! Ах! Софья Александровна! Софья Александровна! надобно пожить так, как я пожил между этими господами, чтобы понять, до какой глубины может дойти чувство ненависти и злобы! Мало того что оно может сделаться содержанием всей жизни человека, оно

вместе с тем становится каким-то жгучим мучительным наслаждением, которое поддержит его силы, когда они начнут ослабевать, которое, быть может, источит капля по капле все его существование, но не даст ни на минуту забыться прежде, нежели жажда мести будет удовлетворена! О господа либералы, вам нечем хвалиться в этом отношении перед нами, бюрократами! мы не только сходимся с вами, но даже далеко вас превосходим!.. Вы подумайте только, что ведь мы сплелись с этими людьми, что вся наша жизнь в их руках, что мы можем дышать только под условием совершенной безгласности, что мы сами приняли это положение, что мы ни на минуту не можем выйти из-под гнета его! Ведь это самая чудовищная барщина, какую только может придумать воображение самое развращенное! Сколько тут есть причин для злобы, каких вам и не снилось, вам, поглядывающим на этот гнусный мир из вашего прекрасного далека! *(Смеется.)* А впрочем, я, кажется, пустился в красноречие, и все по поводу букета! Букет этот вам положительно следует принять, Софья Александровна, и не по тем причинам, которые я сейчас высказал (надеюсь, что вы не приняли их серьезно), а просто потому, что вам следует смотреть на князя, как на глупого gros-papa, который в самом деле так восхитился вашим мужем, что счел нужным уделить часть этого восхищения и вам.

Софья Александровна. А Nicolas? вы думаете, что он примет это так легко?

Клаверов. Я уверен, что он взглянет на это маленькое происшествие с той же точки зрения, как и я. Поверьте, Софья Александровна, ни одной жизни недостанет, если мы будем волноваться всеми человеческими глупостями, которые вокруг нас и по поводу нас делаются. *(Иронически.)* Николай Дмитрич довольно благоразумен, чтоб понять это.

Ольга Дмитриевна. Я совершенно согласна с Петром Сергеичем. Я даже не нахожу ничего необыкновенного в поступке князя. Конечно, он где-нибудь тебя видел, и, как старик... что же тут может быть обидного?

Клаверов. Ну да, конечно... Вот видите ли, Софья Александровна! и maman совершенно со мной согласна.

Софья Александровна. Но с каким же лицом я буду сегодня сидеть в театре! Maman! ведь князь будет подле нашей ложи!

Ольга Дмитриевна. Что ж, это очень любезно с его стороны... Разумеется, этого не надо сказывать Николаю Дмитричу, хотя, быть может, это делается и для его же пользы...

Клаверов. Я уверен, что он поймет.

Ольга Дмитриевна. Да, но вы знаете, условия света... надо все-таки делать возможное, чтоб, как говорят французы, sauver les apparences¹.

В передней раздается звонок.

Софья Александровна. Вот и он! *(Бросает букет на диван.)*

Клаверов. Софья Александровна! У меня сейчас блеснула мысль... я вас выручу!

СЦЕНА VI

Те же, Бобырев и Свистиков (последний, увидев Клаверова, заметно конфузится и останавливается у дверей).

Бобырев. А вот и я! Ба! да ты здесь, Клаверов! *(Жмет ему руку, жену целует в лоб, у Ольги Дмитриевны целует руку.)* Ну-с, поздравьте меня с победой, mesdames! Лавры Геродота не давали спать Фукидиду — так, кажется? — и Фукидид добился-таки своего!

Я тоже несколько ночей сряду почти не спал, и тоже добился своего — c'est justice!¹ Клаверов! всем этим я обязан тебе, я этого никогда не забуду! (Снова жмет ему руку.) Соня! я счастлив сегодня и потому целую тебя вторично! (Целует ее несколько раз сряду; Софья Александровна слегка отбивается.) Да где же Иван Михеич? (Оборачивается и видит Свистикова у дверей.) Иван Михеич! что это вы как будто застыдились! ползите к нам!

Свистиков приближается.

Mesdames! это наш будущий благодетель, который даже ныше начал ряд своих благодеяний тем, что выдал мне за полмесяца жалованье вперед!

Клаверов (шутливо). А вот я произведу вам внезапную ревизию, Иван Михеич!

Свистиков. Это упаси бог-с!

Ольга Дмитриевна. Нет, нет, нет! мы принимаем Ивана Михеича под свое покровительство!

Свистиков. Да их превосходительство шутят-с, сударыня! С ихним добродетельным сердцем да такую учинить жестокость!

Клаверов. Ладно, вот я вас припугну! Да где это ты, Бобырев, шатался о сю пору! Ведь сегодня у тебя не могло быть работы!

Бобырев. А все ходил по канцелярии, и, веришь ли, хоть ничего не делал, а точно я десятки пудов на себе целое утро провозил!

Свистиков. Это уж у нас в канцеляриях особенная немочь такая есть, Николай Дмитрич, так канцелярскою и называется. Сидишь, кажется, сложа руки или ходишь от стола к столу «комман санте» спрашиваешь, а словно горы ворочаешь: во рту, это, пересохнет, даже спину всю расшибет!

Клаверов. Так вот чем вы занимаетесь? Будем знать.

Свистиков. Помилуйте, ваше превосходительство, будто вам и неизвестно! А уж начальнику, Николай Дмитрич, да особенно строгому, как тяжко, так это и вообразить трудно! Почнут, это, ходить, кричать, повелевать, — кажется, невелик труд, а преутомительный-с.

Клаверов. Вы, верно, по себе судите?

Свистиков. А как же-с. У меня тоже курьеры, сторожа... кричу-с!

Клаверов (Бобыреву). Ну что, как тебе понравился князь?

Бобырев. Mon cher! Я в восторге! Какая деликатность, и вместе с тем какой ум! Это просто прелестный человек!

Свистиков. Да-с, они у нас прелестные!

Клаверов. Вы, Иван Михеич, не забывайте, что говорят об вашем начальнике! (Бобыреву.) Стало быть, вы взаимно в восторге друг от друга, потому что князь целое утро расспрашивал меня об тебе, о твоем семейном положении, и даже узнав, что ты женат...

Софья Александровна (берет букет с дивана). Да, Nicolas, посмотри, какой прелестный букет прислал князь!

Бобырев. Князь? (Смущенным голосом.) По какому же слушаю?

¹ соблости приличия.

² справедливость торжествует!

Клаверов. Да просто, любезный друг, потому, что я ему сказал, что ты женат и — pardon, Софья Александровна! — что у тебя жена красавица!

Бобырев. Помилуй, Клаверов! зачем же тебе было говорить князю о моих семейных делах? какое ему до этого дело?

Клаверов. Ах, боже! ну да просто пришлось к слову! Да уж ты не обижаешься ли? Неужели ты не хочешь понять, что князь хотел этим сделать galanterie¹ тебе самому?

Софья Александровна. Я, Nicolas, хотела отослать букет, да человек князя ушел так скоро, что мы не успели вернуть его.

Бобырев вращает кругом изумленными глазами.

Какой ты смешной, Nicolas! как ты странно смотришь! Если хочешь, я сейчас же отошлю букет назад!

Бобырев. Нет, нет... так ты думаешь, Клаверов, что букет следует принять?

Клаверов. Еще бы! Конечно, князь, для своих лет, поступил немного ветрено, но ведь нельзя же строго взыскивать с старика!

Бобырев. Букет... незнакомой женщине...

Ольга Дмитриевна. Да ведь нельзя же строго взыскивать с старика!

Клаверов. Mon cher! ты вспомни, что он тебе в отцы годится! Ведь ты сам давеча видел, с какою любезностью он принял тебя!

Софья Александровна. Nicolas! я заплачу, если ты не перестанешь!

Клаверов. А я кстати и ложу на сегодняшний спектакль привез. Таким образом, день твоего торжества будет праздником и для Софьи Александровны.

Бобырев. Ну да! и прекрасно! Стало быть, мы сегодня в театре, и жена с букетом... от князя!

Софья Александровна. Ax, Nicolas, как ты глупо смотришь!

Бобырев. Ну да! так, следовательно, букет надо принять? Ну что ж — и примем, и в театр поедем: ведь ложа-то от тебя, Клаверов? Иван Михеич! понюхайте же букет!

Свистиков (приближаясь к Софье Александровне и нюхая). Пахнет-с!

Бобырев. Еще бы! Ну, так мы, значит, сегодня веселимся! Соня! ведь Иван Михеич сегодня у нас обедает, так не мешало бы, знаешь, распорядиться. Вы по части мадер или хересов, Иван Михеич?

Свистиков. Мы en gros-c;² по части целого прейскуранта!

Ольга Дмитриевна. У нас еще Савва Семеныч с Павлом Николаичем буду! обедать!

¹ любезность.

² всё вместе.

Софья Александровна. Ах, Савва Семеныч... я и забыла! ведь он тоже поехал за букетом!

Бобырев. Как, и он будет с букетом! стало быть, сегодня у нас решительно букетный день! Как это приятно!

Свистиков. Про Савву Семеныча можно выразиться, что они, как откупщик, всегда букет с собой носят!

Клаверов. Браво, Свистиков! Mesdames, Свистикову грош!

Бобырев. А ты, Клаверов, у нас обедаешь?

Клаверов. Не могу, меня пригласил князь, но я буду с вами в ложе.

Бобырев. Ну, в ложе так в ложе. А воля твоя, Софья Александровна, этот проклятый букет князя не выходит у меня из головы!

Клаверов. Я тебя решительно не понимаю, Бобырев!

Ольга Дмитриевна. Вы, Nicolas, просто ребенок!

Софья Александровна. Nicolas! я не знаю, что же тут было делать?

Свистиков. Уж не упорствуйте, Николай Дмитрич! Они ведь заплачут-с!

Бобырев. Стало быть, все находят, что это дело обыкновенное. Ну, если так, следовательно, и я должен... черт возьми, однако ж, не всегда приятно положение государственного человека *en herbe*!¹

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бобырев.

Софья Александровна.

Ольга Дмитриевна.

Клаверов.

Князь Тараканов.

Обтяжнов.

Набойкин.

Апрянин.

Камаржинцев.

Свистиков.

Лакей.

Декорация второго действия, только убранство лучше; прибавились бронза, фарфор и другие довольно дорогие безделицы. Между вторым и третьим действием прошел еще месяц; при поднятии занавеса бьет девять часов.

¹ еще только начинающего карьеру!

СЦЕНА I

Бобырев (*входит из внутренних комнат, потягиваясь*). Фу! как устал! Только два месяца, как мы в Петербурге, а как много воды утекло: просто не узнаю ни себя, ни окружающих! Хорошо ли я сделал, что взбаламутился и бросил Семиозерск — вот вопрос, который часто приходит мне на мысль и который, надо сознаться, начал посещать меня довольно рано. С каждым днем Семиозерск кажется мне все более и более привлекательным, словно землею обетованного; и квартира моя тамошняя представляется, и приволье, и спокойствие... Да, там я был спокоен; я не должен был ежеминутно мучиться мыслью, как взглянет на меня Григорий

Иваныч, что подумает обо мне Надежда Яковлевна, между тем как здесь все именно вертится на личных отношениях. Господи! одно искание места чего стоило! Как вспомнишь, просто вся кровь бросается в голову! Этих часовых простояний у дверей, этих явных вздохов и тайных проклятий, этих дружелюбных разговоров с курьерами и сторожами сколько было!

(Вздрагивает.)

Какой срам! какой срам! Кажется, и чиновники-то все указывают на тебя пальцами, как проходишь сквозь эти нравственные мытарства, кажется, нет того существа в мире, чье лицо так и не говорило бы тебе в глаза: срамец! срамец! срамец! Неужели я не довольно силен для этой жизни? неужели сила познается только в равнодушии, измеряется только крепостью лба? Как бы то ни было, но бывают минуты, когда меня просто томит страстное желание опять возвратиться к тому ничтожеству, из которого я попытался выйти. Чего я желал? чего я искал? Если спросить меня по совести, я и сам едва ли буду знать, что ответить. Какое чувство шевелилось в моей груди, когда я рвался из Семиозерска? Было ли то чувство честолюбия — нет, я не честолюбив! Было ли то какое-то нерасчетливое, но все-таки почтенное чувство правды, заставляющее человека идти вперед, не видя перед собой никакой определенной цели, не имея за собой никакого ясного побуждения, кроме инстинкта, который подталкивает и шепчет: вперед! Нет, и этого не было, потому что, в сущности, что же я такое? Я просто смиренный человек, ищущий одного спокойствия! Да полно, рвался ли я? Не лгу ли я перед своей совестью, говоря, что рвался? *(Задумывается.)* Правда, что я женат, правда, что жена моя хороша и молода, что я обязан... *(с горечью)* не изнывать же ей, в самом деле, в Семиозерске! Ведь если б я вздумал утверждать, что жить в Семиозерске не значит еще изнывать и что муж вовсе не обязан убивать свою душу для удовлетворения прихотей жены, не закричали ли бы все в один голос, что я тиран, что я черствый себялюбец, что я, наконец, не имею права лишать жену тех радостей, которые так естественно требовать молодости и красоте! В действительности, стало быть, я только променял трактир малого размера на трактир более обширный — вот моя семейная жизнь и ее наслаждения! И в Семиозерске с утра до ночи толклись у нас разные приятные индивидуумы, и здесь толкуются, с тою только разницей, что здесь жены часто не бывает дома. Странное дело! сначала эти частые отсутствия огорчали меня, а теперь... право, даже перед самим собой горько и страшно обнажить мысль свою! Что такое все эти прихлебатели, которые во всякое время дня и ночи врываются в мой дом, как в охальный, которые курят, болтают, бесцеремонно стучатся в двери нашей спальни, переговариваются с женой, покуда она одевается... что это такое? Где же я, где же я, господи! Но всего ненавистнее Клаверов, этот Клаверов, которому я доверил все свое будущее и который, как паук муhi, всего меня опутал своими сетями.

Чего он хочет с своими гнусными бюрократическими нежностями? что он делает в моем доме? Я еще ничего не знаю, я даже боюсь спросить самого себя, что такое тут совершается, но весь дрожу при одной мысли об этом человеке! Страшно подумать, но я боюсь его! Точно я попал в трущобу, в которой копошится гадина, и не знаю, где она кроется и куда хочет направить свое ядовитое жало! И не то чтобы я ревновал, чтобы я сгорал страстью к жене, — нет, уж какая же тут страсть, когда нам взаимно нет дела друг до друга! страсть прошла давно, да и длилась-то очень недолго... Я положительно не знаю даже, зачем я женился? Разве для симметрии? Но ведь обидно то, что каждое его слово как будто так и говорит тебе: дурак, дурак, дурак! но обидны эти подлые, презрительно-покровительственные взгляды, которые он мешает! Да, я смирен, я слишком смирен... но кажется, что у нас не обойдется без схватки!

Входит лакей.

Лакей (*подавая письмо*). Письмо, сударь, с городской почты.

Бобырев (*берет письмо; не распечатывая его*). Что, брат Иван, в Семиозерске лучше было?

Лакей. Не знаю-с, нам все одно где служить!

Бобырев. Экой ты, брат, чудак! Ведь у тебя там родные!

Лакей. Родные всякий при своем месте... тоже при службе находятся.

Бобырев. Так тебе не хочется назад, в Семиозерск?

Лакей смотрит на него с недоумением.

Ну, ступай себе!

Лакей уходит.

Какой он угрюмый, этот Иван! Черт его знает, никогда ему ничего не хочется! От кого бы, однако, это письмо? (*Распечатывает и смотрит на подпись.*) Ба! от Шалимова! что бы это значило? (*Читает.*) «Пишу к тебе, любезный Бобырев, не от своего единственного лица, но от лица тех немногих товарищей, которых убеждения остались еще не зараженными всеобщим растлением, господствующим в известных рядах современного общества». (*Прерывает чтение.*) Черт возьми, этот Шалимов, как он это так странно выражается... все у них какое-то растление да зараза на языке! Просто деловое направление — и все тут! (*Продолжает.*) «Не знаю, хорошо ли будет принято мое письмо, но, во всяком случае, полагаю, что ты настолько честен, чтоб не делиться им с твоими новыми товарищами и не издеваться над нашим первою и последнею попыткой. Несмотря на то что ты, приехав из Семиозерска, не счел нужным побывать ни у кого из нас, самый тот факт, что мы считаем возможным обратиться к тебе, уже достаточно показывает, что мы надеемся и что воспоминание о Бобыреве, которого мы знали в школе милым, честным и благородным малым, еще не изгладилось из нашей памяти. Итак, приступаю к делу прямо и откровенно. Мы думаем, любезный друг, что ты находишься на ложной дороге и что чем дальше пойдешь ты по ней вперед, тем труднее и невозможнее будет для тебя выход. Меняя свою провинциальную службу на петербургскую, ты не просто переехал из Семиозерска в Петербург, ты сделал поступок, ты изменил все направление твоей жизни. Не обольщай себя на этот счет, не думай, что ты остался там же, где был прежде, тем же, чем был прежде. Там, где ты был прежде, ты мог оставаться свободным, ты мог сохранить свои собственные убеждения. Провинциальная жизнь и даже служба терпят многое. Конечно, и там твое обоняние и слух не могли не быть поражены диссонансами довольно резкими, но тебе нужно было только на время зажимать нос и уши, чтобы освободиться от скучных призраков, а не постоянно притворяться глухим и слепым. Там ты ни к чему не обязывался, но даже мог быть полезен в частных случаях, потому что мог дать защиту угнетенному и оказать справедливость обиженному (извини, что, быть может, впадаю в

сентиментальность); в крайнем же случае, ты уподоблялся работнику, который делает механически свое механическое дело и в то же время думает свою свободную, никем не стесняемую думу. Здесь, напротив того, ты встретился с системой, ты не только исполняешь (ты сам, по опыту, очень хорошо понимаешь, какой широкий смысл заключается в слове «исполнять» и как мало оно обязывает убеждения), но и выдумываешь, ты свою душу, свое сердце, ты все существо свое порабощаешь известному принципу, не свободно тобою избранному, но насилию тебе навязанному. Ты делаешься похож на бойкого рецензента, который нанимается к кулаку журналисту, чтобы иметь его мнения, исполнять его *mots d'ordre*¹ и преследовать его ненависти. Это очень любопытная и даже увлекательная по своей трудности гимнастика ума, но берегись ее: она может довести мысль до последних пределов распутства. Предаваясь ей, ты не только огадишь и развратишь свою мысль, но даже мало-помалу вовсе отучишься мыслить. Но, что всего важнее, эта гимнастика в практическом смысле не дает тех результатов, которых от нее ожидают. Друг, подумал ли ты, что надо быть Клаверовым (о котором ниже), чтобы извлечь из нее какие-нибудь выгоды? Подумал ли ты, что когда-нибудь может же прийти такая минута, когда и ум и сердце с отвращением отвернутся от того дела, за которое ты взялся, что может же выискаться такой случай, от которого тебя разорвет всего, прежде нежели ты решишься оказать свое обязательное содействие к благополучному исполнению гнусных предначертаний? Что ты предпримешь тогда? Если ты решишься — с какими глазами выйдешь ты на свет божий? Если не решишься — не думаешь ли ты, что тебя погладят по головке, не думаешь ли, что тебе скажут: *cher Бобырев!* у вас слишком беленькие ручки, чтобы мараться вместе с нами: пойдите, занимайтесь спокойно вашим беленьким делом! Подумал ли ты, что тут тоже есть своего рода система, и система эта заключается в том, чтобы человека, который добровольно решился пойти на катогр, сразу до такой степени обесчестить, чтобы он не смел пискнуть! Когда твое прошедшее будет загажено, когда вся твоя жизнь будет погублена, когда срам и отвержение густым слоем лягут тебе на лоб, тогда тебя преспокойно запишут в ряды Свистиковых (это еще не худшее, потому что он, в сущности, занимается ватерклозетами, а следовательно, никого не убивает), или же выкинут вон, как истрепанную тряпку, в которой *никто* (пойми это: «никто») не нуждается. Куда ты пойдешь тогда? Ты скажешь мне, что никакой нет выгоды поступить с тобой таким образом, что это бесчестит тех, которые употребляют тебя, и без всякой пользы подрывает доверие к ним. Еще бы, мой милый! Да разве они понимают, что делают, разве они смотрят на свою деятельность иначе как на средство, дающее им возможность прожить спокойно следующую минуту, и разве они видят будущее, разве они рассчитывают? Захотел ты от них! И с кем ты связался, кем окружил ты себя, Бобырев! Клаверов! Набойкин! да разве ты не чувствуешь, каким от них разит тлением, разве в тебе до такой уже степени притупилась способность разгадывать людей, что ты не можешь понять, что эти люди не представляют даже залогов жизни! Уж я не говорю о Набойкине: это жалкая дрянь, о которой и упоминать-то не стоит, но ведь и Клаверов весь сшит живыми нитками — неужели это секрет для тебя? Если это секрет, то выслушай же следующее. Поприще свое Клаверов начал тем, что пристал к нашему маленькому обществу; признаться, мы никогда не были особенно расположены принять его, потому что еще в школе в нем бросалась в глаза какая-то неприятная юркость, какое-то молодеческое желание блеснуть изворотливостью совести. Однако же мы терпели его, терпели, как товарища, которого трудно было отогнать от себя без явного оскорблении. Но скоро он сам вывел нас из затруднения; как волчонок, которого, несмотря на приволье, все тянет в лес, он вдруг исчез из наших глаз, чтобы появиться в другом лагере. С тех пор вся жизнь его есть ряд постыдных подвигов, среди которых гениями-покровительницами Клаверова являются женщины вольного обращения.

¹ приказы.

Он и прежде был шутом, но шутом по натуре, шутом, так сказать, своим собственным, однако этого показалось ему недостаточно; лавры Свистикова не давали спать ему, и он возымел дерзкую мысль превзойти его и в искусстве веселить своих добрых начальников, и в искусстве сводничать им любовниц. Весь город знает, какую подлую роль играл он перед пресловутой Кларой Федоровной, как он сначала подольстился к ней, свел ее с князем Таракановым и потом заставил нелепого старика бросить ее... для кого, Бобырев! для кого?» (В испуге прерывает чтение.) Да для кого же, господи, для кого? (Хватается за голову руками и несколько времени сидит в безмолвии.)

Что, если в самом деле подлость может дойти до таких громадных размеров? что, если она до того утончена, что ей уже мало завлечь, а необходимо еще и развратить? Эти букеты... эти подарки, ложи... эта предупредительность ко мне... Да куда же я попал, боже мой! не во сне ли я? не горячечный ли бред все эти Клаверовы, Таракановы, Обтяжновы! Что такое, наконец, мой дом? (Продолжает.) «И этот гнусный проходимец воображает себе, что он очень искусен, что он обманывает нас! Он думает, что, отдававшись какими-нибудь подлыми средствами от Нарукавниковых, Артамоновых и т. д., он имеет право подать нам свою подлую, оскверненную руку!»... Нет, не имею сил продолжать дальше! (В отчаянье рвет на себе волосы.) Все это правда, весь этот срам, вся эта гнусность... все, все красным клеймом выпечатано на лбу моем!

Входит лакей.

Лакей. К вам Иван Михеич пришел.

Бобырев. О, черт возьми!

СЦЕНА II

Бобырев и Свистиков.

Бобырев. Чтò вы, Иван Михеич?

Свистиков. Да что-с, посидеть пришел-с.

Бобырев несколько времени рассеянно смотрит ему в глаза.

Да вы здоровы ли, Николай Дмитрич?

Бобырев. Нет. я ничего... я думаю о том, что вас и не слыхать было, как вы пришли!

Свистиков. А я по черненькой-с. Чем людей-то беспокоить, так я по черненькой-с.

Бобырев. Зачем по черненькой? Вы бы звонили, да шибче бы... Слыхали ли вы, например, как Клаверов и Набойкин звонят?

Свистиков. Помилуйте, Николай Дмитрич, они ведь особы, а мы что такое?

Бобырев. Ну нет, это вы говорите вздор, Иван Михеич! Для меня особа тот, кого я сам почитаю особой, а Клаверов, например, для меня — мерзавец!

Свистиков. Христос с вами, Николай Дмитрич! вам как будто не по себе!

Бобырев. Да, мне не по себе... мне очень не по себе! Да, я ему докажу, что он мерзавец, и докажу не далее как сегодня же, если он пожалует сюда!

Свистиков. Упаси бог-с! ведь они, пожалуй, рассердятся! Нет, вы не делайте этого, Николай Дмитрий!

Бобырев. Сделаю, Иван Михеич!

Свистиков. Так я лучше уйду-с! (Берется за шапку.)

Бобырев. Нет, уж это аттанде — не пущу! (*Удерживает его за борты сюртука.*) Мы с вами, Иван Михеич, выпьем! Жена-то у меня по театрам да по маскарадам жуириует, ну, а мы с вами здесь выпьем! Вы по хересам?

Свистиков. Хереса как-то основательнее, Николай Дмитрич! Хорошо тоже коньяк, ну да уж это будет, может быть, слишком основательно... Я, конечно, не об себе это, Николай Дмитрич, потому что я от вина только потею-с... испариной оно из меня выходит-с!

Бобырев. Ну, так мы хересов велим подать. Эй, Иван!

Входит лакей.

Бутылку хересу нам сюда! (*Свистикову.*) Стаканов, что ли?

Свистиков. Да что уж лицемерить, Николай Дмитрич!

Бобырев. И два стакана.

Лакей уходит и тотчас же возвращается с подносом, на котором бутылка и два стакана. Бобырев наливает.

Так вы говорите, что в вас вино производит только испарину?

Свистиков (*пьет*). Вино действует на меня постепенностью, Николай Дмитрич. Я, знаете, думаю, что у меня внутренности с самого начала обожжены-с, так оно там словно в печке-с.

Бобырев (*пьет*). Ну да, понимается. Раз навсегда, значит, обожгли, так потом и заботиться не об чем!

Свистиков. Ну так-с, так-с. Это вы именно угадали-с!

Бобырев. Ну, а как вы думаете, Иван Михеич, ведь Клаверов-то подлец?

Свистиков. Да что вы, Христос с вами! как же они могут быть подлецами! Так разве... накапают где-нибудь... А впрочем, нечем этакие-то разговоры вести, я уж лучше вам расскажу, какое со мной было в Холопове происшествие!

Бобырев (*пьет*). Ну, рассказывайте ваше происшествие!

Свистиков. Был я в ту пору еще молод и служил в казенной палате писцом. Жалованьишко наше маленькое, пить-есть хочется, следовательно, пробавлялись мы больше каждый своим промыслом. У меня промысел был за охотой ходить; болот, знаете, вокруг Холопова пропасть, ну и ходишь, бывало, в свободные дни, похлопываешь да похлопываешь себе бекасиков, а потом и несешь на базар продавать. Хорошо. Только вот однажды идем мы с товарищем ранним утром по бережку реки, а на дорожку у нас было уж заложено... против простуды-с! Идем мы, это, и видим, что, в саженях этак в шестидесяти, сидит на воде страшное стадо диких уток, выстроились этак в ниточку рядом и преспокойно себе делают утренний туалет-с! Да вам, может быть, скучны мои глупые речи, Николай Дмитрич?

Бобырев (*рассеянно*). Да, происшествие действительно странное!

Свистиков. Помилуйте, какое же это еще происшествие! происшествие-то будет впереди-с! Вот я и говорю товарищу-то: «Погоди, говорю, Хвостиков, я штуку сделаю!» А сам себе на уме думаю: чем нам по-пустому-то заряды тратить, прицелюсь-ко я в крайнюю, да как выстрелить-то, и проведу ружьем-то по всем, чтобы всю стаю, значит, одним зарядом ухлопать! (*Показывает.*) Ну-с, сказано — сделано. Лег я этак на живот и начал полозть; подполз, знаете, в самую меру, прицелился... паф! Только как загагайкают вдруг мои утки, да как взлетят всем собором, так я даже караул с перепугу закричал! Представьте себе, какая шельмовская штука тут вышла: так-таки ни одной и не убил! Так-таки все до одной и улетели! А расчет с пьяных-то глаз, кажется, верный был!

Бобырев. (рассеянно). Да, расчет, конечно, верный. А Хвостиков-то, я думаю, порядочно вас обругал?

Свистиков. Уж как не ругать-с! Я бы и сам себя в ту пору изорвал-с!

Бобырев. Стоит, стоит. Так выпьем, Иван Михеич!

Свистиков. Выпить можно-с.

Чокаются и пьют.

А то вот еще со мной какое происшествие было. Сидим мы однажды в трактире: я, Хвостиков, Нахлобучкин да еще кой-какие из канцелярских...

Бобырев. Всё в Холопове же?

Свистиков. Ну да-с, всё в Холопове. Сидим мы в трактире...

Бобырев. И Хвостиков говорит: выпьем, Иван Михеич. (Наливает.) Эй, Иван! еще бутылку хересу!

Свистиков. Это точно-с, что Хвостиков это сказал, только уж не будет ли нам, Николай Дмитрич, на сегодня-то?

Лакей приносит бутылку.

Бобырев (несколько пьяный). А что, разве разбирает?

Свистиков. Меня-то-с? Нет, Николай Дмитрич, я не об том-с. А вот неравно Софья Александровна приедут, так не безобразно ли будет, что мы с вами этак-то посвистываем? (Пьет.) За ваше здоровье-с!

Бобырев (наливая). Да вы, может быть, думаете, что я Софьи Александровны опасаюсь? Так я ее вот как опасаюсь! (Плюет.) Она меня... да вы знаете ли, что она из меня сделала! да я ее через полицию — вот что!

Свистиков. Полноте, Николай Дмитрич! не годится-с!

Бобырев. А ты думаешь, что я остановлюсь! Ты, Свистиков, меня не понимаешь, потому что ты шут гороховый: это Шалимов про тебя пишет... А я тебя все-таки люблю, потому что ты мне друг!

В передней раздается сильный звонок.

Слыхал ты, брат, как звонят? Это жена с своей стаей приехала!.. а ведь мы, кажется, пьяны?

Свистиков. Пьяны, Николай Дмитрич!

Бобырев. То-то, пьяны! А ты пей, да ума не пропей!

Свистиков. Не лучше ли нам в кабинет-с... да и снаряд-то с собой туда же возьмем-с! Хорошо, кабы бог спас, генерала-то нашего не принесла бы нелегкая!

Бобырев. Это дельно. Следовательно, путешествуем в кабинет! А генерала ты не бойся... я, брат, ему нос оторву!

Уходят; сцена на мгновение остается пустою.

СЦЕНА III

Софья Александровна входит быстро, одетая в теплый салоп и предшествуемая Апряниным и Камаржинцевым; Апрянина снимает с нее теплые ботинки, Камаржинцев — салоп; Софья Александровна одета в богатое платье, убранное кружевами и декольте; в руках у нее букет; следом за ней входит Ольга Дмитриевна и Набойкин.

Софья Александровна. Да снимайте же скорее, Апрянин! что вы там остановились!

Апрянин. Не могу. Софья Александровна, руки дрожат-с!

Софья Александровна. Вот еще! А вы, Камаржинцев, что там уснули? Тоже руки дрожат? И пусть будет вам известно, messieurs, что с этих пор я буду вас называть моими горничными!

Камаржинцев. Я, Софья Александровна, за счастье-с... только уж нельзя ли в настоящие горничные!

Софья Александровна. Хотелось бы? (*Поправляя модести на груди.*) Пошлите-ка лучше Аннушку модести мне поправить!

Апрянин. Позвольте мне-с!

Софья Александровна. Ну нет-с, вы, пожалуй, опять задрожите! (*Ольге Дмитриевне, которая вошла с Набойкиным и поправляется перед зеркалом.*) Маман! распорядитесь насчет чаю! (*Лакею.*) Николай Дмитрич дома?

Лакей. Дома-с, они с Иваном Михеичем у себя в кабинете-с.

Софья Александровна. Ну, и пусть их остаются в кабинете. Мы, messieurs, проведем нынче вечер отлично: Обтяжнов и маленький Тараканов привезут нам ужин, Клаверов привезет нам литератора...

Апрянин (*с некоторым благоговением*). Какого же это литератора, Софья Александровна?

Софья Александровна. Там, какого-то из «Северной почты»! Il fait des feuilletons, de la politique... que sais je?¹ Клаверов говорит, что это человек очень благонамеренный!

Набойкин. То есть скучный.

Софья Александровна. Фи, мсьё Набойкин, как же вы это не хотите понять, что человек, который занимается... des sciences, de la politique enfin...² не может же он быть веселым, как мы, простые смертные! Маман! да что же вы все перед зеркалом поправляетесь! Мне чаю хочется!

Ольга Дмитриевна. Ma chère, ты бы Ивану могла приказать!

Софья Александровна. Иван может делать чай для Николая Дмитрича, а не для меня... приятно очень: грязными руками!

Набойкин. Отчего вы сами не разливаете чай, Софья Александровна?

Софья Александровна. Вот еще! скуча какая!

Апрянин. А как бы это было приятно!

Камаржинцев. Венера, разливающая нектар...

Апрянин. Геба, mon cher!

Камаржинцев. Ах да, Геба! Венера — эта та, которая Вулкану...

Софья Александровна. Вы несчастливы на мифологию, Камаржинцев!

Набойкин. Нет, нет, нет! постойте! ну что же такое Венера, Камаржинцев? что она сделала Вулкану?

Камаржинцев (*обидевшись*). Вы сами очень хорошо знаете, что сделала Венера...

Набойкин. И он вас сравнивает с ветrenoю богиней, Софья Александровна!

Камаржинцев. Я совсем не сравниваю; я сравниваю Софью Александровну с Гебой (с *кислою любезностью*), да и то нахожу, что здесь не может быть сравнения...

Ольга Дмитриевна. Ce n'est pas mal trouvé³. Пожалуйста, Павел Николаич, оставьте в покое мсьё Камаржинцева!

Софья Александровна. А вы оставьте в покое нас; maman, и дайте нам чаю скорее.

Ольга Дмитриевна уходит.

СЦЕНА IV

Те же, кроме Ольги Дмитриевны.

Софья Александровна. Удивительно, однако ж, какой этот Николай Дмитрич! Представьте себе, messieurs, что с некоторого времени он только и делает, что по целым вечерам просиживает с Свистиковым! Об чем они там говорят вдвоем — решительно понять невозможно!

Набойкин. Погодите, вот я схожу — подслушаю!

Софья Александровна. Нет, уж оставьте; еще придут сюда, пожалуй! В сущности, я очень рада, что Николай Дмитрич оставляет меня в покое! Когда он здесь, я точно на иголках: такие у него манеры странные, и шутит-то он как-то так, что лучше бы сидел да молчал! Aucune délicatesse!¹

Набойкин. Его еще в школе медвежонком звали!

Софья Александровна. А теперь из медвежонка вышел целый медведь! Право, messieurs, я совсем не революционерка, и даже не понимаю, чего хотят эти студентки, но l'émancipation de la femme — ce n'est que très juste!²

Набойкин. Да, если взглянуть на дело с общей точки зрения... конечно, но если разобрать вопрос в частности...

Софья Александровна. И в частности и как хотите, со всех точек это справедливо! Вы забываете, messieurs, что женщины тоже хотят веселиться!

Камаржинцев. У меня, Софья Александровна, есть знакомая, которая заказала себе сюртук!

Софья Александровна. Вы, кажется, мне противоречить хотите, Камаржинцев?

Камаржинцев. Помилуйте, Софья Александровна, я-с... я хотел только сказать, как это мило должно быть на хорошенъкой женщине!

¹ Он пишет фельетоны, политические статьи... что-то в этом роде.

² наукой, наконец, политикой.

³ Недурно сказано.

Софья Александровна. То-то! Итак, messieurs, мы сегодня будем веселиться! Уж так и быть, я распущу свои волосы и спою «Il segreto»...³

Набойкин. У вас чудесная коса, Софья Александровна. Апрянин! да удерживайте же вашего друга: ведь он так и впился в Софью Александровну.

Софья Александровна. (томно). Камаржинцев! хотите, я вам позволю себя в плечо поцеловать?

Набойкин. Faites ça¹, Софья Александровна!

Софья Александровна. Ну, ползите сюда, как говорит мой милый супруг! «Ползите»! Mais quelles expressions, comme il est trivial cet homme!² Камаржинцев! я звала вас!

Камаржинцев конфузится и не сходит с места.

Знаете ли, Камаржинцев, что вы очень самолюбивы! Я вижу, чего вам хочется! Вам хочется, чтоб я позволила вам поцеловать себя наедине, где-нибудь в тени чинар, лимонов?

Апрянин. Лимонов можно достать, Софья Александровна!

Камаржинцев (с досадою). Ты лучше молчал бы, Апрянин!

Набойкин. Браво, Апрянин! Софья Александровна! Апрянину грош! (Tихо ей.) Какие у вас, однако ж, чудесные плечи!

Софья Александровна (иронически, вполголоса). Клаверов тоже находит это.

Набойкин. (тихо). Всё для Клаверова!

Софья Александровна (тоже). Не для вселенной же! (Вслух.) Мсьё Набойкин! вы видите, что Петербург послужил мне в пользу и что я не долго хожу за ответом!.. Так мы сегодня веселимся, messieurs! (Зевает).

Набойкин. Ну, поначалу это не заметно... Софья Александровна! распустите вашу косу теперь!

Софья Александровна. Ну нет, это будет pour la bonne bouche³, за ужином!

Набойкин. Тогда Бобырев не позволит!

Софья Александровна. Хотела бы я видеть это! Успокойтесь, он не будет с нами ужинать! Он уйдет куда-нибудь с Свистиковым есть яичницу!

Набойкин. В самом деле, какой он странный, этот Бобырев!

Софья Александровна. Совсем он не странный! он глуп, и больше ничего! Ах, да не говорите вы мне об нем! У меня все нервы... я готова заплакать, когда об нем говорят! Что это наши messieurs так долго!

Лакей вносит чай.

Servez-vous, messieurs!⁴

Набойкин. А знаете ли, Софья Александровна, в последний раз Бобырев серьезно обиделся, когда увидал, что я смотрел в замочную скважину...

Софья Александровна. А кто же позволил вам смотреть?

¹ Никакой деликатности!

² Эмансипация женщины — это только справедливо!

³ «Тайна».

Сильный звонок в передней.

А вот и messieurs! Господа! прошу вас не забывать, что князь сегодня в первый раз у меня!

СЦЕНА V

Те же, князь Тараканов и Обтяжнов.

Обтяжнов (*за кулисами*). Так возьми же все это, любезный, и, когда Софья Александровна прикажет подавать ужинать, приготовь... (*Входит, вслед за ним князь.*) Любезной хозяйке! (*Подходит к руке Софьи Александровны.*)

Софья Александровна. Ну вот теперь можно! по крайней мере, вы начинаете заслуживать! *Mon prince!*¹

Князь Тараканов. Извините, Софья Александровна, что я позволил себе на первый раз явиться к вам вечером, но Клаверов меня уверил, что вы будете так добры — простите мне мое нетерпение...

Софья Александровна. Очень рада, князь! и очень обязана Клаверову! Вы знакомы, messieurs.

Князь жмет руки прочим присутствующим.

Князь Тараканов. (*в сторону*). Где же муж? а нельзя не сознаться: хороша. Клаверов рассчитал верно! (*Вслух.*) Я давно искал чести быть представленным вам, Софья Александровна, и теперь мне остается только жалеть, что счастливый случай, которым я нынче пользуюсь, представился слишком поздно.

Софья Александровна. Разве вам что-нибудь препятствовало?

Князь Тараканов. Мне как-то не удавалось до сих , пор сойтись с Николаем Дмитричем, хотя мы несколько и знакомы, потому что я видел его у Клаверова.

¹ Позвольте.

² И что за выражения! как этот человек тривиален!

³ напоследок.

⁴ Пожалуйста, господа!

здесь не очень-то женируемся.

Софья Александровна. Вы можете быть уверены, что муж будет всегда рад видеть вас у себя. Впрочем, я должна заранее просить вас извинить его: он почти постоянно так занят, что выходит к нам очень редко.

Обтяжнов. Николай Дмитрич предпочитает уединенное плавание в сфере высших государственных соображений беседе с такими вертопрахами, как мы. Это человек серьезный, князь, — ну, и пускай себе остается в своих сферах! То-то, воображаю, какие он выделяет теперь первом штуки на пользу общую!

Софья Александровна. По бесцеремонности, с какою выражается мсьё Обтяжнов, вы можете заключить, князь, что мы

Обтяжнов. Ведь этакая вы обидчица, Софья Александровна! Ну, что бы, кажется, я сказал такого... игривого? Вот другое дело за ужином...

Князь Тараканов (*в сторону*). Еще бы церемониться! ужины на дом привозит! (*Вслух.*) Это делает еще более привлекательным ваше общество, в которое вы допускаете только избранных.

Софья Александровна (*томно, но не без горечи*). Да, я не принадлежу к большому свету, и, признаюсь, даже не жалею об этом. Я думаю, что гораздо приятнее иметь общество маленькое, но связанное дружескими отношениями, нежели быть постоянно *sur le qui vive*¹. Вы курите?

Князь Тараканов. Если позволите.

Софья Александровна. Пожалуйста.

Князь закуривает.

Вы любите музыку, князь?

Обтяжнов. Князь сам музыкант, Софья Александровна. У него отличный тенор.

Апрянин. *Tamberlick a été délicieux ce soir!*²

Камардинцев. *Ut-dièze!*³ Помнишь, Апрянин? (*Пробует что-то спеть, но, видя, что Софья Александровна смотрит на него с удивлением, конфузится и умолкает.*)

Софья Александровна. *J'aime assez Tamberlick*⁴. В его голосе есть что-то мужественное, *quelque chose d'entraînant*⁵. (*Князю.*) Я тоже пою. Если хотите, мы будем иногда петь вместе...

Общее безмолвие.

Ah! Dieu! Dieu!⁶ скажите, messieurs, отчего так скучно жить на свете?

¹ настороже.

² Тамберлик сегодня был восхитителен.

³ До-диез!

⁴ Мне нравится Тамберлик.

⁵ что-то увлекательное.

⁶ О! боже, боже!

Обтяжнов. Помилуйте, царица! Уж коли вам скучно, кому же после этого весело!

Софья Александровна. А почему же вы думаете, gros-papa¹, что мне должно быть веселее, нежели другим?

Обтяжнов. Да потому, что у вас и красота, и талант, и все такое...

Софья Александровна. В особенности мило это «все такое». Нет, серьезно, мне скучно! Иногда вдруг какое-то странное желание овладевает мной: хотелось бы скрыться, лететь... Вы не испытывали этого, князь?

Князь Тараканов. Признаюсь вам, Софья Александровна, наша жизнь слишком занята, чтоб нашлось в ней место для мечтаний...

Обтяжнов. Это оттого с вами бывает, Софья Александровна, что вы еще растете — право-с! Когда я был маленький, мне беспрестанно представлялось, что я лечу; ну, а с тех пор перестал летать.

Набойкин. А вы давно были маленьким?

Князь Тараканов. Господа! в каком виде можно вообразить себе Обтяжнова маленьким?

Апрянин. Я воображаю себе Савву Семеныча за тетрадкой!

Камардинцев. Я воображаю его себе кушающим чай с булкой!

Набойкин. А я воображаю его себе пристающим к своей кормилице!

Обтяжнов. Ну, вот это так! а то «тетрадка», «чай с булкой»! Так и видно, господа, что вы сами недавно расстались с этими предметами! Угадали, Павел Николаич! Это правда, что я, можно сказать, еще у груди кормилицы чувствовал склонность к прекрасному полу, и с тех пор склонность эта постепенно во мне развивалась...

взятки губернским и уездным властям!

Софья Александровна. Я думаю, что если это и не так поэтично, зато верно.

За сценой раздается смутный шум, за которым слышится голос Свистикова: «Оставьте, Николай Дмитриевич! нехорошо-с!»

¹ дедушка

² да идите же!

Боже мой, да что там такое?

Ольга Дмитриевна (*за кулисами*). Павел Николаич! mais venez donc!² Господи! да что ж это такое?

Софья Александровна (*сконфуженная*). Будьте так добры, мсьё Набойкин, посмотрите, что там с татан делается?

Набойкин уходит.

Обтяжнов. Верно, мышка пробежала... ну, известно, сейчас нервы и все такое...

Князь Тараканов (*в сторону*). Ну нет, это не мышка, а голос Свистикова!

Общее неловкое молчание.

(*Вслух*.) Господа! нам когда-нибудь следует устроить для Софьи Александровны загородное катанье!

Обтяжнов. А что вы думаете! завтра же! зачем откладывать в долгий ящик!

Камаринцев. Морозная ночь! Луна! Лихая тройка — c'est délicieux!¹

Обтяжнов. Смотрите, вы не спойте нам «Вот мчится тройка удалая»!

Набойкин (*возвращаясь*). Ничего; это Бобырев с Свистиковым разыгрались! Софья Александровна! Бобырев велел вам что-то сказать на ушко! (*Наклоняется к ней и говорит тихо*.) Николай пьян! Если возможно, поедемте лучше куда-нибудь в кабачок ужинать!

Софья Александровна. (*с болезненной улыбкой*). Это очень мило, что вы мне говорите! А впрочем, секрет за секрет! Мне тоже нужно сказать кое-что вам на ухо. (*Говорит ему тихо*.) Устройте это как-нибудь с Клаверовым, который, вероятно, сейчас придет... но какойстыд! (*Вслух*.) Pardon, messieurs, что мы тут секретничаем. Впрочем, тут и секрета нет: муж мой не совсем здоров, так его лечит Свистиков... друг его!

Князь Тараканов. А я надеялся, что буду иметь честь ближе познакомиться с Николаем Дмитричем.

Софья Александровна. Во всяком случае, не сегодня... Савва Семеныч! хоть бы вы спели что-нибудь! (*В сторону*.) Этот несносный Клаверов!

Обтяжнов. Я, Софья Александровна, знаю только одну песенку: «Вдоль по улице метелица метет», да и ту не пою, а только одним пальчиком на фортепьянах наигрываю!

Софья Александровна. Ну, и поиграйте!

В передней раздается звонок.

Насилу! Павел Николаич! потрудитесь отпереть! Это, наверное, Клаверов!

Набойкин уходит.

Посмотрим, какого-то он приведет с собой литератора!

Апрянин. Я недавно одного литератора на Невском встретил, Софья Александровна!

Софья Александровна. Ну, и что ж?

Апрянин. Ничего, одет прилично; впрочем, он очень скоро сел на извозчика и уехал.

¹ это восхитительно!

Камардинцев. Нынче у многих литераторов даже кареты собственные есть, Софья Александровна!

СЦЕНА VI

Те же и Клаверов.

Клаверов. Мне крайне досадно, Софья Александровна, что наш литератор оказался так дик, что ни за что на свете не согласился поехать в порядочный дом! Я его так у Донона и оставил... но вы мне позовите покатать вас?

Софья Александровна. К Донону? Я с удовольствием, *mais demandez d'abord à ces messieurs!*¹

Обтяжнов. Знаете что, Петр Сергеич, ведь нам тепло и у Софьи Александровны! Право, ваш литератор нас не интересует... да еще, может быть, он и насвистался там, в ожидании нашего приезда!

Клаверов. Ваша речь впереди, добный старик! Я знаю, что вы приготовили Софье Александровне сюрприз, и сочувствую вам, но все-таки прежде всего надобно спросить о желании Софьи Александровны. Не правда ли, князь?

Князь Тараканов. Я нахожу, что нет ничего справедливее!

Обтяжнов. Всегда-то вот вы так, Петр Сергеич! Сидели мы тут без вас, горя не ведаючи, так нет-таки, нужно было вам всех смутить!

Набойкин. Да ведь вы слышали, Савва Семеныч, что Николай Дмитрич не совсем здоров!

Софья Александровна. *Messieurs!* я помирю всех! Вы поезжайте к Донону, а я останусь дома и буду ужинать с Саввой Семенычем!

Обтяжнов (*падая на колени*). Царица! это будет счастливейшая минута в моей жизни!

Софья Александровна. При *maman*, Савва Семеныч, при *maman*!

Князь Тараканов. Нет, Савва Семеныч, позовите вступиться и мне. Лишать целое общество наслаждения видеть Софью Александровну, затем только, что вы будете иметь удовольствие ужинать с нею при *maman*, — это никакими законами не допускается.

Клаверов. Итак, господа, к Донону! Софья Александровна! вы согласны?

Софья Александровна. Я согласна на все, что эти *messieurs* находят лучшим!

Обтяжнов. Воля ваша, а это, Петр Сергеич, грабеж!

За кулисами слышится сильный шум и крик Ольги Дмитриевны.

Свистиков (*за кулисами*). Вот когда я пропал! Воля ваша, а я убегу-с!

Софья Александровна (*в сильном испуге*). *Allons-nous-en! allons-nous-en!*¹

¹ но спросите сначала у них!

СЦЕНА VII

Те же и Бобырев (совершенно пьяный).

Бобырев. Мое почтение, господа! Вы, кажется, увозите Софью Александровну с собой¹., что ж... в трактир... камелии так и следует! Софья Александровна! вы décolletée² это недурно! (Увидев Апрянина и Камаржинцева.) Младенцы! вы-то что тут делаете?

Князь Тараканов (в сторону). Так вот он, муж-то... impayable!³

Софья Александровна. Messieurs! Клаверов! да избавьте меня от этого человека! Maman! где же вы?

Бобырев. Maman не придет... у maman нервы страдают... да и к чему ей здесь быть? Ей ведь трактиры-то не в диковину... гусары... уланы...

Софья Александровна с ужасом смотрит на него.

Что ты на меня смотришь? ну да, ну да... гусары, уланы, вся кавалерия!

Клаверов. Ты, Бобырев, пьян!

Бобырев. Разумеется, пьян! а ты думаешь, я и не знаю, что пьян? Нет, ты лучше догадайся, зачем я напился?

Набойкин. Да ступай спать, Бобырев! (Хочет увести его.)

Бобырев. Не тронь меня, Набойкин! Ты дрянь! Шалимов пишет, что ты дрянь, и я с ним совершенно согласен! (Клаверову.) Так ты не догадываешься, Клаверов, зачем я напился пьян?

Клаверов презрительно пожимает плечами.

Да ты не пожимай плечами! я ведь сейчас и в порядок их приведу!

Софья Александровна слабо вскрикивает; князь Тараканов. Апрягин и Камаржинцев суетятся около нее.

Князь Тараканов. Pardon, Софья Александровна, я очень понимаю, как вам должно быть неприятно, что тут посторонние, но ваше положение таково... (Жадно впивается в нее глазами.)

Бобырев. Ничего, можете оставаться, князек! ведь вы еще в трактир собрались ехать... я не препятствую! (Клаверову.) Я напился пьян для того, что мне необходимо сказать тебе при всех, что ты подлец, Клаверов.

Клаверов делает движенье вперед.

Да, ты подлец, подлец и подлец! Трезвый, я не сказал бы тебе этого!

Софья Александровна (судорожно вскакивает и подбегает к Бобыреву, задыхающимся голосом). Вы мерзавец! вы пьяница, вы трус! вы последний из людей, вы... (Рыдает и кричит.)

Молодые люди, кроме Клаверова, поддерживают ее и уводят в соседнюю комнату.

Занавес опускается.

¹ Уйдемте! уйдемте!

² декольтированы?

³ уморителен!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клаверов.

Набойкин.

Князь Тараканов.

Софья Александровна Бобырева.

Ольга Димитровна.

Декорация I-го действия, девять часов утра.

СЦЕНА I

Клаверов (*один*). Ну вот, я и добился... только чего добился? Сколько глупейших происшествий случилось в одну ночь, и как иногда одно нелепое мгновение может перевернуть вверх дном целую жизнь человека! И от кого? от какого-нибудь негодяя трусишки, которому, для храбрости, вздумалось напиться пьяным! Фу, боже! да неужели я в самом деле оскорблен? неужели я должен требовать удовлетворения? Какая глупость, какая досадная, пошлая глупость! Ведь встречаются же такие положения в жизни: точно горячечный бред вдруг охватит человека! Ощупываешь себя, прислушиваешься к своему голосу, спрашиваешь себя: я ли это, со мной ли все это делается?.. и — о, черт возьми! — оказывается, что это я, что я цел-целехонек, что невероятное не только вероятно, но даже верно!.. Да нет, однако, неужели я должен разом испортить все свое будущее? Дуэль! ведь это такой вздор... ведь это совсем глупо! Мне, наконец, нельзя выходить на дуэль! Как делают эти старцы, что их никто не оскорбляет, что оскорблении, если они и бывают, скользят по ним! Или в нас еще тлятся какие-то жалкие остатки юношеской щепетильности, или мы недостаточно сравнялись с старцами в ничтожестве? Да, в нас что-то осталось; нас держит в руках и глупая связь с прошедшим, с школою, и наше собственное фальшивое положение. В глазах всех, кроме канцелярских чиновников, мы еще мальчишки, и в этом качестве должны и вести себя как мальчишки. К нам нет страха, наши действия может судить всякий; мы не можем сказать: цыц! — потому что сами не раз протестовали против этого «цыц». Мы не смеем оставаться равнодушными к оскорблению не потому, чтобы чувствовали особенную наклонность обижаться, а просто потому, что нас могут оскорбить еще более. Гадкое ремесло! нас не защищают ни седые волосы, ни физические немощи — ни одно из тех удобств, которыми украшаются милые старички. Да, ремесло отвратительное и опасное, а нести его надо! Каким образом уладить это пошлое дело? Какие новые уступки сделать, какую новую комбинацию придумать? Но, может быть, Бобырев извинится, может быть, он сознается, что был пьян... да это дело невозможное! (*Задумывается.*) Нет, черт побери, как ни кинь, все клин! Тут был Тараканов, тут были младенцы — все видели, все слышали! Кто может поручиться, что сегодня же не звонят об этом во все колокола во всех канцеляриях, во всех начальственных передних? Что сделал Клаверов? Гм... что сделал Клаверов? Если я поведу себя благоразумно — меня назовут трусом, от меня все отвернутся; если я вступлюсь за свою честь, если я вызову этого пьяницу — мол карьера испорчена... хороша перспектива и в том и в другом случае! И не то поставят мне в вину, что я развратил женщину, что сделал из нее орудие, а то, что я не сумел так устроить дело, чтоб все было шито и крыто! Подłość позорительна, даже в известной степени допускается, как необходимая приправа жизни, но неумение, но глупость — вот где настоящее преступление, вот где позор! Нет, нужно кончить это дело во что бы то ни стало! Что пользы в том, что стая мальчишек будет говорить, что Клаверов поступил как

благородный человек, если Клаверову, после этого благородного поступка, придется стереться с лица земли! Сила не в мнимо-благородных поступках, сила во власти, сила в том, чтобы удержать за собой свое положение! (*Садится к столу, пишет и потом звонит.*)

Входит лакей.

Курьер вернулся?

Лакей. Павел Николаич приказали сказать, что сейчас будут.

Клаверов. Хорошо; вот отдай курьеру эту записку и скажи, чтобы он сейчас же ехал с нею к молодому Тараканову.

Лакей. Вас, сударь, Софья Александровна спрашивают.

Клаверов. Как Софья Александровна? что такое?

Лакей. Точно так-с. Сейчас пожаловали.

Клаверов. Так иди же, проси! Да когда Набойкин придет, попроси его подождать, а сам войди сюда и доложи, что от князя чиновник с бумагами... понимаешь?

Лакей уходит.

Софья Александровна! Однако дело-то, кажется, не на шутку разыгрывается!

СЦЕНА II

Клаверов. Софья Александровна.

Клаверов. Что с вами, Софья Александровна? Что с тобой, Sophie? (*Берет ее за талию и усаживает на диван.*) Как ты бледна, моя девочка!

Софья Александровна. Я ушла от мужа; я не могу жить с ним... Если бы знали, Клаверов!.. он... mais il m'a maltraitée, le lâche!¹ (*Вздрагивает от волнения.*) Да, он бил меня, Клаверов! Если бы видели! ах, если бы видели! (*Рыдает.*) Я не плакала... я испугалась; я думала, что он убьет... Он бил меня, Клаверов, бил!

Клаверов. Какое гнусное животное! Но каким же образом до этого допустили! где же была maman?

Софья Александровна. Maman заперлась в своей комнате... ах, если бы видели, Клаверов, как он был страшен! Он разорвал на мне все платье... и какие он гадости мне говорил! как он называл меня! Ах нет, возьмите, возьмите меня от него! Я ни за что... нет, я ни за что не пойду к нему! Я, право, не могу даже рассказать вам, что такое там было!

Клаверов. Успокойся же, моя девочка!

Софья Александровна. Ах нет, я не пойду! возьмите, ради бога, возьмите меня от этого человека!

Клаверов (*в сторону*). Черт возьми, однако ж, вот история-то! (*Вслух.*) Да как же это сделалось? Каким образом ты пустила его в свою комнату?

¹ ведь он со мной был так груб, низкий человек!

Софья Александровна. Сначала я заперлась, но он начал стучаться — не могла же я не отворить ему? Он так стучал, что в целом доме было слышно... Боже! что он со мной делал! что он мне говорил! Ах, как он был отвратителен, если бы видел!

Клаверов. Что ж он теперь делает? и как ты ушла?

Софья Александровна. Он спит... он еще пьян! Мне кажется, что он и во сне-то пьян! Он даже не слыхал, как я ушла. Pierre! да утешь же меня, скажи, что я к нему не пойду!

Клаверов. Конечно... так жить невозможно... Я сегодня же поговорю об этом князю: вероятно, он найдет средство как-нибудь устроить это дело...

Софья Александровна. Ах нет, не князю! ради бога, не князю! Я не хочу этого, ты пойми, что я не хочу... Что ж это со мной будет? Да и что тут устраивать? Pierre! я не пойду к мужу! я сказала, что не пойду!

Клаверов. Да успокойся же, моя птичка! (*В сторону.*) О, черт возьми, какая история! (*Вслух.*) Я и сам еще хорошенко не знаю, что говорю! дай мне подумать, дай прийти немного в себя! Ведь ты меня любишь, девочка?

Софья Александровна. Ах, Pierre!

Клаверов. Ну, вот видишь ли! Следовательно, тебе надо слушаться! Пойми, мой ангел, что в такие минуты, как теперешняя, нельзя вдруг все обнять! (*Ласкаясь к ней.*) Ведь это почти государственный вопрос! Ну, давай станем делать предположения!

Софья Александровна (*улыбаясь*). Станем.

Клаверов. Предположим, например, что ты останешься у меня.

Софья Александровна нежно смотрит на него.

Ну да, ну да! отчего же этого не предположить? Итак, предположим, что ты останешься у меня — что из этого может выйти? (*Становится на колени и целует ее руки.*) Из этого может выйти, что я целые часы буду простиавать на коленях и целовать твои милые ручки! (*Смотрит на нее, как бы выжидая ответа.*)

Софья Александровна молчит.

Тебе это как будто неприятно, Sophie?

Софья Александровна. Ах нет, мне это не неприятно! Я только думаю... зачем ты мне говоришь об этом... теперь?

Клаверов. Милая! да разве можно, видя тебя, думать о чем-нибудь другом?

Софья Александровна слегка пожимает плечами.

Ну, не сердись же; будем говорить серьезно, если ты этого непременно хочешь! Итак, предположим, что ты останешься у меня — потом что? Потом предположим, что мы пригласим татан... какую роль, однако ж, может играть при этом татан? Ma chère! ведь при ней мне нельзя будет целовать твои ручки!

Софья Александровна. (*грустно и не без некоторого изумления*). Да, она может помешать.

Клаверов. И — что важнее всего — ей самой, быть может, не по вкусу придется оставаться здесь... Знаешь ли, Sophie, мне кажется, что и тебе...

Софья Александровна смотрит на него боязливо.

Ведь только те люди имеют право не обращать внимания на общественные отношения, которые, так сказать, не вышли еще из естественного состояния...

Софья Александровна (*робко*). Pierre! как ты говоришь странно!

Клаверов (*в сторону*). Проклятая рутина! все думается, что я в департаменте и желаю бросить пыль в глаза чиновникам! (*Вслух.*) Pardon, chère! Я, кажется, сказал

глупость! Итак, сделаем другое предположение. Предположим, что ты на время поселишься в гостинице вместе с тата...

Софья Александровна (*иронически*). «Что из этого выйдет?»

Клаверов. Ну да, что из этого выйдет?

Софья Александровна. Из этого выйдет что-то очень странное... Оставим лучше предположения! Знаете ли, Клаверов, что в эту минуту мне как-то ужасно вдруг стало грустно!

Клаверов. Это очень натурально; такое положение...

Софья Александровна. Нет, не то; но мне в первый раз еще приходится взглянуть на жизнь серьезно... Мне кажется, что до сих пор я видела какой-то радужный... и даже немного пошлый сон!

Клаверов. Я не понимаю тебя, Sophie! Что могло навести тебя на такие странные мысли? Уж конечно, ты не можешь сомневаться, что я с своей стороны...

Софья Александровна. Ну да, я верю. Но ведь странно, не правда ли, что жизнь, которую я до сих пор вела, вдруг потеряла для меня все очарование? Мне теперь кажется, что я не жила, а играла... и даже не хорошо играла, Pierre!

Клаверов. Что, это раскаянье?

Софья Александровна. Нет, это не раскаянье... зачем раскаянье? Это просто размышление... ну да, это минутное размышление, которое, я надеюсь, пройдет само собою... Итак, будем продолжать делать предположения... что бы еще предположить? Предположим, например, что я пойду теперь на улицу — что из этого может выйти?

Клаверов. Какое странное предположение! Кто же допустит тебя до этого?

Софья Александровна. Не мешай мне, Pierre! Я хочу знать, что из этого может выйти? Из этого... знаешь ли, однако ж, какая это странность... я... я не могу даже сыскать ответа на этот вопрос!

Клаверов. Sophie, ты меня решительно не понимаешь! Ты сердишься на меня, ты колешь меня! Но ведь не виноват же я, что все это так неудобно сложилось. Конечно, я некоторым образом сам вовлек тебя и, следовательно, обязан...

Софья Александровна судорожно смеется.

Ты смеешься?

Софья Александровна. Я смеюсь тому, что ты говоришь об неудобствах!

Клаверов. (*с досадой*). Я тут не вижу ничего смешного! (*Встает и начинает ходить по комнате.*) Ты, как женщина, разумеется, не можешь понять... (*Хватается за голову руками; с отчаянием.*) Эта проклятая служба! и как нарочно, у меня сегодня доклад!

Софья Александровна. А! сегодня доклад! ты не забыл об этом!

Клаверов. Ты странная, Sophie! Опять-таки повторяю: ты не понимаешь меня! Тут совсем речь не об докладе...

Софья Александровна. Так об чем же?

Клаверов. Я просто хочу сказать, что обстоятельства складываются досадно. (*Садится около нее*) Sophie! неужели ты могла подумать, что я не люблю тебя?

Софья Александровна. Нет, ты любишь меня (*вздрагивая*), но ты еще больше любишь удобства. Впрочем, я мешаю тебе, тебе пора на службу! Но куда же я должна идти?

Клаверов. Это смешно, Sophie! Неужели ты думаешь, что я не пожертвую для тебя одним днем службы? Дело не в том...

Софья Александровна. Ах, да я вижу, в чем дело! (*Встает.*) Куда же я пойду? Клаверов! да сжальтесь же надо мной! Скажите что-нибудь! Неужели вы хотите, чтобы я возвратилась к мужу... чтобы меня били? Ведь это ужасно!

Клаверов угрюмо молчит

Да ответьте же мне! скажите прямо, хотите вы, чтобы я возвратилась к мужу?

Клаверов. Я не знаю... я сам совершенно растерялся... Коли хотите, конечно, вы поступили неосторожно...

Софья Александровна. Неосторожно?

Клаверов (*с досадой*). Ну да, неосторожно! Уж если вы требуете, чтобы я был откровенен, я не вижу, почему бы мне не высказать вам...

Софья Александровна. Хорошо; положим, что я поступила неосторожно; положим, что я должна была оставаться и терпеть, но ведь я уж поступила так, но ведь этого не воротить! Что же теперь-то, теперь-то остается мне делать?

Клаверов. Прежде всего, мне кажется, надо послать к татарину и сказать ей, что вы здесь...

Софья Александровна. Да посыпайте же, посыпайте скорее!

За дверьми раздается осторожный звук.

К вам кто-то пришел?

Клаверов. (*подходя к двери*). Кто там?

Лакей. (*за дверью*). Чиновник от князя с бумагами.

Клаверов. Вот моя жизнь! ни одной минуты свободы!

Софья Александровна. Его отослать нельзя?

Клаверов. Можно... да... конечно... можно!

Софья Александровна. Нет, я вижу, что нельзя; я уйду в другую комнату, только, бога ради, пошлите сейчас за татарину! (*Уходит налево.*)

Клаверов тщательно запирает за нею дверь и опускает портьеры.

СЦЕНА III

Клаверов, лакей; потом Набойкин.

Клаверов (*лакею*). Сейчас же поезжай к Бобыревым, вызови Ольгу Дмитриевну и скажи ей, что Софья Александровна здесь и просит приехать за ней теперь же.

Лакей уходит.

Нет, надообно как-нибудь развязать этот узел!

Набойкин. Извини, пожалуйста, Клаверов, что опоздал: сейчас только с постели.

Клаверов. Тише... тут Бобырева! (*Указывает на дверь, в которую вышла Софья Александровна.*)

Набойкин. Как? теперь?

Клаверов. Ну да, теперь. Только, если ты думаешь, что я *en bonne fortune*¹, то очень ошибаешься. Это *bonne fortune*, в которой главную роль играет драка и тому подобные

удовольствия... не веришь? Серьезно уверяю тебя, что проклятие моего положения едва ли можно себе представить! Вчера Бобырев с пьяных глаз наговорил мне дерзостей, а сегодня Софья Александровна жалуется, что он прибил ее... Бог знает куда я впутался!

Набойкин. Какая скотина этот Бобырев!

Клаверов. Это несомненно, что скотина, но, к несчастию, не в том дело. Скотство его при нем

и остается, да я-то, я-то какую тут роль играю?

Набойкин. Ты играешь роль человека, к которому рано утром приезжают хорошенъкие женщины... что ж, это еще недурно!

Клаверов. Гм... да, это недурно. А знаешь ли ты, между прочим, что я всю эту ночь не спал и что всю ночь у меня не выходило из головы вчерашнее глупейшее происшествие?

Набойкин. *Mon cher!* да ведь это вздор!

Клаверов. Совершенно с тобой согласен. Я даже думаю, что это более нежели вздор: это просто постыдное дело, которое требует вмешательства полиции, а не порядочных людей. К сожалению, однако ж, Бобырев принадлежит к тому же обществу, к которому принадлежу и я; к сожалению, ни пьянство, ни глупость, ни всякое другое нравственное безобразие не дают ему привилегии оскорблять безнаказанно; к сожалению, оскорблении, им нанесенное, не просто укушение обозлившейся от тунеядства собаки, а оскорблении действительное, нанесенное равным равному... видишь ли ты, сколько тут разных «к сожалению»? А если ко всему этому еще прибавить сегодняшний поступок Софьи Александровны, то дело, очевидно, перестает быть вздором.

Набойкин. Скажи мне, однако ж, что такое произошло между Бобыревыми?

Клаверов. Ну все, что обыкновенно происходит в таких случаях, когда супруг пьян, а супруга немного провинилась. Знаешь ли что, Набойкин? Быть может, ты когда-нибудь позавидовал мне; быть может, ты когда-нибудь подумал: счастливец этот Клаверов! Так разуверься же, мой милый! Каторжнее той жизни, которую я веду, нельзя вести. Это какой-то проклятый водевиль, к которому странным образом примешалась отвратительная трагедия...

¹мне повезло.

Набойкин. Воля твоя, а ты преувеличиваешь, Клаверов. Вероятно, Бобырев проспался и в настоящую минуту уж трусит; хочешь пари, что он также уж посыпал за мной?

Клаверов. Так же... то есть, так же, как и я?

Набойкин. Позволь, однако ж...

Клаверов. Не в этом дело. Пожалуй, я и на это согласен; я действительно не принадлежу к числу средневековых героев и положительно считаю дуэль предрассудком. В этом отношении мы сходимся с мсьё Шалимовым. Однажды, когда он ораторствовал в своем сенакле против поединков, я спросил его, что же он думает сделать в случае личного оскорблении? Для меня не может быть личного оскорблении, отвечал он и, помоему, был прав... По крайней мере, я нахожу это теперь, когда испытал на практике, что значит личное оскорбление... Не правда ли, однако ж, странно, что мы в чем-нибудь сходимся с Шалимовым?

Набойкин. Да, это вещь не совсем обыкновенная.

Клаверов. До такой степени мало обыкновенная, что мы сейчас же и разойдемся. Вся беда в том, что ответ Шалимова не ответ, а уклонение от ответа. Он оставляет в тени практическую сторону дела, которая, собственно, и составляет камень преткновения. В самом деле, как тут поступить? Покраснеть ли и бросить на оскорбителя кроткий, прощающий взор, поднять ли горделиво голову и с молчаливым презрением пройти среди изумленной толпы? Все это на практике разрешается крайне трудно. Быть может, в представлении Шалимова, вместе с теорией, соединяется и какая-нибудь практика; быть может, он и действительно сумеет таким образом перенести оскорбление, что никому и на ум не придет подумать, что он оскорблен; но я... я этого не могу! Не потому не могу, чтобы я сгорал желанием оскорбиться во что бы то ни стало, а просто потому, что я обязан оскорбиться!

Набойкин. Воля твоя, Клаверов, я что-то этих тонкостей не понимаю!

Клаверов. Ну, я когда-нибудь растолкую это тебе на досуге, а теперь буду продолжать. Несмотря, однако ж, на то что в практических результатах мы расходимся с Шалимовым, в сущности я все-таки желаю как можно менее расходиться с ним. Как ты хочешь, а потерять разом все, что устраивалось ценою стольких трудов, стольких усилий, стольких...

Набойкин. (в сторону). Стольких *et caetera*¹... (Вслух.) Я вполне понимаю тебя, Клаверов! Vous êtes un noble cœur!² (Жмет ему руку.)

Клаверов. Мне представляется двоякий исход. Если я потребую у Бобырева удовлетворения, я должен испортить всю свою карьеру — это ясно как день. Что бы из этого ни вышло, я все-таки буду обвинен, потому что человек, занимающий известное положение в административном мире, не имеет права быть мальчишкой. С другой стороны, если я вытерплю равнодушно, если я сделаю вид, что все произошедшее до меня не относится... но ведь тут были свидетели, Набойкин! но ведь я опозорен, но ведь от меня отвернется все общество!

Набойкин. Ах, полно! Ну, конечно, в первые минуты будет не совсем ловко...

Клаверов. А потом привыкнут... то есть я стану в положение человека, к которому будут привыкать... не правда ли, ведь ты эту роль мне предназначаешь?

Набойкин. Да успокойся, *mon cher*!

¹ и прочее.

² У тебя благородное сердце.

Клаверов. Но каково же мне будет прожить эти первые минуты! Ведь на этих первых минутах зиждется вся история, любезный друг! Я знаю, что впоследствии, то есть когда все обойдется, обомнется и оботрется, не только отдельный человек, но и целые народы забывают... забывают даже свое рабство, свой собственный позор, но первые минуты!..

Набойкин. Опять-таки повторяю тебе, Клаверов, что ты преувеличиваешь самое происшествие!

Клаверов. Но предположим, что будет так; допустим, что ко мне привыкнут, — и все-таки этого будет недостаточно! Тут есть еще третья, и притом самая скверная, сторона — это женщина, которая у меня на руках и которая не хочет слышать о том, что у человека могут быть свои обязанности, что человек может быть поставлен в известные обстоятельства...

Набойкин. Ну да, теперь я понимаю. В этом отношении, конечно, положение твое не из самых завидных.

Клаверов. Прошедшую ночь все мои мысли были как-то разбросаны. Я даже думать не мог. Все это представлялось мне каким-то хаосом, какою-то нелепою, невероятною неожиданностью. Точно не меня, а постороннее лицо оскорбили, точно я не более как свидетель всего этого безобразия! Но теперь мало-помалу хаос проясняется; по крайней мере, я вижу мое положение и вижу необходимость решить его так или иначе...

Набойкин. Что же ты думаешь сделать?

Клаверов. А вот послушай, Набойкин! я обращаюсь к тебе, как к старому товарищу, который не покривит душою, и прошу тебя отвечать мне по совести. Скажи, стоит ли того моя карьера, чтоб держаться ее?

Набойкин. Еще бы!

Клаверов. Нет, ты пойми меня. Ты скажи, стоит ли она этого не в том только смысле, что удовлетворяет моему личному самолюбию и доставляет мне средства к жизни, но и в том, что она полезна не для меня одного, а вообще... но ты понимаешь?

Набойкин. Какое же может быть в этом сомнение! Начать с того, что дело, которому ты служишь, потеряет в тебе самого способного и самого преданного своего деятеля! Нет, Клаверов! ты не принадлежишь самому себе... ты просто не имеешь даже нрава обращать внимание на подобные пустяки!

Клаверов. Это-то именно я и желал знать. Стало быть, по-твоему, надо во всяком случае покончить с этим глупым делом. Теперь весь вопрос в том, каким образом достигнуть этого. Прежде всего Софья Александровна...

Набойкин. По моему мнению, прежде всего надо заставить Бобырева извиниться перед тобой и потом уверить, что относительно его супружеского благополучия все обстоит в том же положении, как было до свадьбы! (Хохочет.)

Клаверов. Любезный друг! уж ты бы предоставил Обтяжнову острить на эту тему!

Набойкин. А propos! хочешь пари, что Обтяжнов в настоящую минуту обдумывает, как бы половчее и вместе с тем без больших издержек предложить руку и сердце Софье Александровне?

Клаверов. Все это очень правдоподобно, но дело в том, что подобные разговоры отвлекают нас от нашего предмета. Итак, прежде всего меня заботит Софья Александровна. (*Переходит в генеральский тон.*) Ты понимаешь, любезный друг, что это женщина, которая многим для меня пожертвовала, которую я — конечно, совершенно против воли — поставил в неприятное положение... понятно, следовательно, что я желаю что-нибудь сделать для нее..

Входит лакей.

Лакей. Князь приехал.

Клаверов. Ну вот и кстати: он нам поможет в наших соображениях. Проси.

СЦЕНА IV

Те же и князь Тараканов.

Клаверов (*идя навстречу князю*). Князь! я к вам с просьбой! Во-первых, прошу извинить за вчерашнюю неприличную сцену, которой я послужил совершенно невольным поводом; во-вторых... но, вероятно, вы сами догадываетесь, что именно должно составлять предмет моей просьбы. (*Принимая благородную осанку.*) Такое странное происшествие, конечно, не должно, не может остаться без последствий...

Князь Тараканов. (*закуривая сигару*). Я совершенно с вами согласен, Клаверов!

Клаверов (*несколько поперхнувшись ответом князя*). Вы понимаете, князь, что хотя Бобырев оскорбил меня в таком виде, который исключает всякую идею о вменяемости, хотя он, сверх того, мой подчиненный, но, к сожалению, он принадлежит к тому же общественному кругу, к которому имею честь принадлежать и я; но, к сожалению, он не пользуется еще привилегией оскорблять безнаказанно...

Набойкин (*в сторону*). Черт возьми, однако ж, как патрон-то мало разнообразен!

Князь Тараканов. Я совершенно с вами согласен, Клаверов!

Клаверов. Следовательно... вы думаете, князь, точно так же, как и я, что мне необходимо потребовать от Бобырева удовлетворения?

Князь Тараканов. Я вполне того же мнения, как и ты, Клаверов.

Клаверов с тоской смотрит на Набойкина.

Набойкин. Pardon, messieurs. Как человек, приглашенный Клаверовым быть участником в этом деле, я считаю необходимым высказать свое мнение. Я нахожу, что Клаверов очень хорошо выразился, сказав, что положение, в котором вчера находился Бобырев, устраниет всякую идею о вменяемости. Да, это именно то самое выражение, которое следует употребить в настоящем случае. Следовательно, если Бобырев, как я надеюсь...

Князь Тараканов. Я совершенно с вами согласен, мсьё Набойкин. Вы понимаете, Клаверов, что для меня решительно все равно, что у вас там происходит. Впрочем, нет, не совсем все равно, потому что вы чертовски рано подняли меня сегодня!

Клаверов (*сконфуженный*). Позвольте, князь; я думал, что вы, как человек мне близкий, примете в этом деле участие... (*В сторону*) О, черт возьми, так бы, кажется, и задушил эту мерзкую гадину!

Князь Тараканов. Ну да, Клаверов, я вас люблю... я вас люблю, потому что вы служите... нет, не то! я вас люблю, потому что дядя глубоко уважает ваши способности... Скажите, в чем именно я могу быть вам полезным?

Клаверов. Да нет, князь, судя по тому, как вы смотрите на мое дело, я нахожу, что мне остается только извиниться перед вами в том, что так рано побеспокоил вас.

Князь Тараканов. Уверяю вас, Клаверов, что смотрю на ваше дело точно так же, как и вообще на все дела на свете. В этом случае у меня своя собственная философия, в силу которой я нахожу, что нет в мире ни добра, ни худа, что все относительно и что, следовательно, всякий сам наилучший судья в своем деле. Вы находите, что полученное вами вчера оскорблени...

Клаверова подергивает.

Послушайте, Клаверов, зачем вы волнуетесь? не могу же я оказать, что это не оскорблени! Итак, вы находите, что вчерашнее оскорблени требует сатисфакции, — я согласен с вами; мсьё Набойкин, напротив того, доказывает, что вчерашняя сцена есть следствие одного недоразумения, — я и с ним согласен! Потому что ведь это относительно, Клаверов!

Клаверов. Но я желал бы именно знать, как поступили бы вы на моем месте?

Князь Тараканов. Ах, Клаверов, зачем вам добиваться этого? Да притом же — извините за чистосердечие — мне кажется, что вы поставили вопрос совершенно не так, как бы следовало его поставить. Если б вы спросили меня, как бы я поступил на своем собственном месте, я бы еще мог что-нибудь отвечать вам, хотя, впрочем, и не ответил бы, потому что это моя тайна, но что же могу я ответить, собственно, на ваш вопрос? Разве то, что я поступил бы точно так же, как и вы, то есть спросил бы другое лицо, как бы оно поступило, будучи на моем месте.

Клаверов делает движение.

Да не сердитесь, Клаверов; поймите, что вы, во всяком случае, можете рассчитывать и на мой совет, и на мое содействие, и на мою скромность... да, и на мою скромность, потому что, говоря откровенно, я просто не вижу ничего забавного в том, чтобы выболтать всякому встречному, что я вчера был свидетелем, как господин Бобырев оскорбил Петра Сергеича Клаверова. На одно только прошу вас не рассчитывать, — это на то, чтобы я вздыхал, ахал и плакал: чувствительность положительно не в нравах моих. Итак, messieurs, высказавши перед вами мою *profession de foi*¹, я полагаю, что мы можем продолжать...

Набойкин. Я нахожу, князь, что кроме того, что Бобырев был вчера в самом странном положении...

Князь Тараканов. Да, странном — *c'est le mot!*²

Набойкин. Кроме того, есть еще другое соображение, которое в этом деле должно иметь решительную силу...

Князь Тараканов. Послушаем ваших соображений, мсьё Набойкин! *Vous voyez, messieurs: je suis bon enfant!*³

Набойкин. Соображение это заключается в том, что Клаверов занимает известное положение в административной сфере и что в этом качестве он не просто частное лицо, а некоторым образом деятель политический...

Князь Тараканов. Да... это соображение очень веское.

Клаверов. Позволь, однако, Набойкин, не о том речь...

Набойкин. Ну нет, Клаверов, теперь твое дело сторона. Теперь это дело между мною и князем; мы обсудим его со всех сторон, и когда мы кончим, ты должен будешь безусловно покориться тому решению, которое мы положим.

Князь Тараканов. Разумеется, Клаверов, вы не можете быть судьей в своем деле... я нахожу ваше мнение совершенно справедливым, мсьё Набойкин. (*В сторону.*) *Mais quelle comédie de chenapans!*⁴

Набойкин. Итак, я говорю, что Клаверов занимает известное положение в административной сфере, но этого, конечно, было бы недостаточно, чтоб не распространять на него общих условий и требований света. Главное заключается в том, что он занимает свой высокий пост с честью, что он полезен, что он необходим!

Князь слегка наклоняет голову в знак согласия.

Служат очень многие, но не многие представляют собой известное направление, они извратяют известный принцип! С этой точки зрения Клаверов есть такая личность, в которой, можно смело сказать, нуждается вся благомыслящая часть русского общества!..

Клаверов. Но послушай же, Набойкин!

Князь Тараканов. Шт... Теперь ваше дело сторона!

Набойкин. (*входя мало-помалу в азарт*). С этой точки зрения личность Клаверова приобретает значение совершенно особое; с этой точки зрения, нанести Клаверову оскорблениe — значит нанести ущерб тому принципу, которому он служит, — не так ли? Засим, имеет ли он право рисковать собой? принадлежит ли он вполне самому себе?

¹ программу.

² вот самое подходящее слово!

³ Видите, господа: я славный малый!

⁴ Но что за мерзкая комедия!

Вот вопросы, на которые я, по совести, не вижу никакого другого ответа, кроме отрицательного. Если б Бобырев оскорбил, например, меня, я не рассуждал бы; я просто потребовал бы от него удовлетворения, потому что тут дело шло бы между равными; но будь я на месте Клаверова, я положительно объявила, что не обратил бы никакого внимания на сделанное мне оскорбление!

Князь Тараканов. Браво, мсьё Набойкин! Клаверов! по этим начальным выводам вы можете предугадывать, что, в сущности, распра ваша с Бобыревым заранее нами решена.

Набойкин. Представимте, например, князь, что какой-нибудь негодяй оскорбил вашего дядю...

Князь Тараканов. Нет, мы этого представлять себе не будем, cher мсьё Набойкин! Мы лучше оставим старика моего в стороне...

Клаверов. Набойкин! да разве ты не замечаешь, что князь шутит?

Князь Тараканов. Нет, Клаверов, я не шучу! повторяю вам, что я от всей души желаю быть вам полезным и в этом смысле вполне разделяю мнение мсьё Набойкина, что вам отнюдь не следует принимать горячо к сердцу оскорбление, нанесенное вам господином Бобыревым.

Набойкин. Не правда ли, князь? Следовательно, если насчет этого мы согласны, то весь вопрос заключается единственно в том, каким образом устроить, чтоб дело это умерло, так сказать, в самом своем рождении, чтоб отношения продолжались прежние, чтоб, одним словом, не осталось ни малейшего следа всех этих дрязгов?

Князь Тараканов. Да... в самом деле... ведь это вопрос весьма важный!

Клаверова сильно подергивает.

Набойкин. Да не волнуйся же, Клаверов! Предоставь нам с князем устроить это дело! Я полагаю, князь, что Бобырев в настоящую минуту сам не рад всему случившемуся, стало быть, есть все поводы думать, что с этой стороны дело уладится самым приличным для Клаверова образом. Бобырев извинится, Клаверов извинит — между старыми товарищами все это легко, все попятно. Точно так же легко будет устроить, чтоб Обтяжнов и младенцы были безмолвны...

Князь Тараканов. Да, ведь тут еще младенцы присутствовали — *c'est grave*¹!

Набойкин. Младенцев можно заставить молчать — это я беру на себя. Я просто докажу им, что Клаверов поступил вполне великодушно и что в этом деле надо щадить Бобырева...

Клаверов. Да остановись же, Набойкин! ведь это просто невыносимо!

Князь Тараканов. Замолчите, Клаверов! ведь вас предупредили, что тут играет важную роль государственная необходимость, а государственная необходимость, разумеется, идет прежде всего...

Набойкин. Но здесь есть еще одно обстоятельство, которое гораздо важнее младенцев. Надобно вам сказать, князь, что Бобырев наделал глупостей...

Клаверов. Одним словом, князь, после нашего отъезда Бобырев поступил с своею женой до такой степени отвратительно, что она была вынуждена оставить его.

Набойкин. Это обстоятельство действительно усложняет дело, и если Софья Александровна сама не возьмется содействовать нам устроить ее примирение с мужем.

¹это серьезно!

Князь Тараканов. (*внезапно встает и берется за шляпу*). Pardon, messieurs, но это действительно в такой степени усложняет дело, что я окончательно не могу присутствовать при дальнейшем разъяснении его.

СЦЕНА V

Те же и Софья Александровна.

Софья Александровна. Я попросила бы вас на минуту повременить, князь!

Князь Тараканов. Вы были здесь, Софья Александровна?

Софья Александровна. Да, я была в той комнате, и, как ни заботился мсьё Клаверов, чтоб я не слыхала, что здесь происходит, я многое слышала. Позвольте же мне самой принять хоть маленькое участие в тех заботах о моей судьбе, которые так обязательно взяли на себя эти господа. Петр Сергеич! вы так страстно желаете, чтоб я помирилась с мужем, что у меня нет сил лишить вас такого невинного удовольствия. Вы будете довольны мной: я сейчас же возвращаюсь домой и надеюсь, что всякие соображения, как вы любите выражаться, помогут нашему примирению.

Клаверов. Чтоб вы снова подверглись оскорблению, чтобы снова какой-нибудь Бобырев осмелился поднять на вас руку — ни за что в свете!

Софья Александровна. Вы странный, Клаверов! Вы играете кожей, а не внутренностями, как выразился об вас когда-то мой муж... конечно, с чужих слов. Повторяю вам: я твердо решаюсь возвратиться к мужу. Я возвращаюсь к нему не потому, чтобы чувствовала какие-нибудь угрызения совести, чтобы вдруг открыла в нем какие-то достоинства... нет, я так же мало люблю его, как и прежде, и так же мало нахожу в нем привлекательного. Я просто возвращаюсь потому, что не могу сделать иначе, что над судьбой моей висит что-то тяжелое, что мне, одним словом, деваться некуда... (*Прерывающимся голосом*.) Да, вы показали мне жизнь в настоящем ее свете, Клаверов! вы сделали ее для меня гадкою!

Клаверов (*сентиментально*). Жизнь не от нас зависит, Софья Александровна! Она отправляет нас в наших лучших стремлениях, она безжалостно срывает лучшие цветы на пути нашем!

Софья Александровна. Как вы удивительно выражаетесь, Клаверов! Позвольте мне, в свою очередь, дать вам полезный совет: выкиньте из головы, что вы директор департамента, и тогда, я уверена, вы будете выражаться свободнее. Таким образом, я возвращаюсь к мужу, messieurs, но только что за жизнь ожидает меня впереди! И скука, и упреки, и оскорблении — всё тут! (*Вздрагивает*.) Зато мсьё Клаверов избегнет скандала, зато никто не будет ему больше мешать приготовляться к докладу, зато он сохранит свое место и не потеряет прав на всеобщее уважение... разумеется, если господа Камаржинцев и Апрянин будут достаточно скромны! Князь! вашу руку! (*Подает руку князю и хочет уйти*.)

СЦЕНА VI

Те же и курьер.

Курьер. (*подавая Клаверову письмо*). От господина Бобырева человек принес. Ждут ответа.

Клаверов. Скажи, что сейчас.

Курьер уходит.

Софья Александровна! одну минуту!

Софья Александровна останавливается.

(Клаверов распечатывает письмо и читает.) «Кажется, я вчера наделал тысячу глупостей, любезный Клаверов; если это так, то во всем виноват твой милый Свистиков, который постепенно накатал меня хересом до того, что я совершенно ничего не помнил, что делал. Во всяком случае, я желаю лично извиниться перед тобой и потому прошу уведомить меня, когда тебя можно застать дома. Бедная Соня так огорчилась всем происшедшем, что с раннего утра забралась к обедни»...

Общее изумление.

Набойкин. *(первый приходя в себя).* Ну вот, и прекрасно!

Князь Тараканов. Однако у вас отвратительно счастливая звезда, Клаверов!

Софья Александровна. Я надеюсь, что вы теперь довольны, Петр Сергеич! Но, о боже, какая же это гадость!

Клаверов. Господа! да нет, это не может так оставаться! Да объяснитесь же, наконец! что же я должен, по-вашему, делать ввиду такого письма?

Софья Александровна. Ничего не делать: теперь я вам положительно запрещаю что-нибудь делать... Вы счастливы — чего же вам еще больше?.. ах, да что ж это за люди, боже мой! что ж это за люди!

СЦЕНА VII

Те же и Ольга Дмитриевна.

Ольга Дмитриевна *(сухо).* Ты меня просто удивляешь, Sophie!

Софья Александровна. Ах, maman! не удивляйтесь, ради бога! лучше уйдемте, уйдемте отсюда скорей!

Ольга Дмитриевна. Николай Дмитрич *est tout repentant...*¹ тебя везде ищут... я надеюсь, что ты сумеешь объяснить ему свое поведение...

Софья Александровна. Князь! вашу руку! Мне нет надобности просить вас, чтоб это умерло, — да и зачем? Все так благополучно кончилось, что мсьё Клаверов, вероятно, сам не найдет причины скрывать... Его самолюбие не страдает, а что касается до чести женщины, то это такие пустяки, которыми, право, не стоит дорожить человеку, устраивающему свою карьеру...

Клаверов. Вы не понимаете меня, Софья Александровна!

Софья Александровна. Не знаю, Петр Сергеич! может быть, и еще есть многое, что я не поняла, но то, что я уж поняла... Ах, уйдемте же, maman, уйдемте!

Ольга Дмитриевна, Софья Александровна и князь Тараканов уходят.

¹ всецело раскаивается.